

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА –
САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

КОММЕРСАНТ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин
**АНТИКВАРНОЕ
ЗОЛОТО**

СТАВКА НА ВЕЧНОСТЬ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Антикварное золото

«ХАРВЕСТ»

2009

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Слепой. Антикварное золото / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2009 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3547-4

Золото – особый, магнетический металл, который всегда ценился больше человеческой жизни. А если золоту несколько тысячелетий и оно является бесценным произведением искусства, то и число человеческих жизней, пожертвованных ради обладания им, стремится к бесконечности. Глеб Сиверов, секретный агент ФСБ, не в силах предотвратить всё новые и новые жертвы, он лишь идет по кровавому следу, чтобы спасти уникальное антикварное золото – легендарный клад Приама, найденный при раскопках Трои. Преступники убивают всех, кто становится у них на пути, и при этом даже не знают, какой великой ценностью обладают.

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3547-4

© Воронин А. Н., 2009
© ХАРВЕСТ, 2009

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Андрей Воронин

Слепой. Антикварное золото

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Глава 1

Перед рассветом на море опустился густой молочно-белый туман, похожий на огромную пуховую перину или снежное поле. Седые косматые пряди неторопливо перемещались, легко касаясь облупленных, шелушащихся слоями старой краски бортов фелюги, карабкались по ним на палубу, ленивыми серыми змеями обвивались вокруг оснований мачт, путались в таке-лаже. Туман шевелился, как живой, и в появляющихся просветах мертвым черным зеркалом поблескивала спокойная глубокая вода.

Стоял мертвый штиль, фелюга с убранными парусами лежала в дрейфе. Если верить карте и расчетам, до берега оставалось не более пяти морских миль – рукой подать, учитывая протяженность подошедшего к концу путешествия. Густой туман глушил звуки – негромкий плеск воды, торопливые шаги, скрип талей и возгласы людей, занятых тяжелой работой. Небольшой двухвесельный ялик погрузился в туман, как в молоко, с плеском коснулся килем воды и сразу же тяжело осел под тяжестью втиснутого между банками огромного, окованного железом сундука.

Тали обвисли; по ним в ялик неуклюже сполз какой-то человек в мешковатом кафтане и широких штанах, заправленных в высокие русские сапоги. За спиной на кожаном ремне висел английский штуцер – грозное оружие с нарезным стволом, стоившее жизни многим участникам обороны Севастополя. По слухам, именно появление на вооружении у англичан этого ружья, отличавшегося невиданной доселе дальностью и точностью стрельбы, послужило причиной возникновения солдатского поверья: никогда не закуривать втроем от одной спички, иначе быть беде. Владелец этого баснословно дорогого оружия был немолод; его обветренное простодушное лицо украшали густые прокуренные усы, а торчавшие из-под картуза пряди волос были щедро посеребрены сединой. Кое-как ухитрившись спуститься в ялик и не вывалиться при этом за борт, он немедленно развил бурную деятельность: через голову стащил с плеча ремень штуцера, едва не уронив в воду картуз, уложил ружье вдоль борта и вцепился в тали, чтобы помочь перебраться в лодку своему спутнику.

Впрочем, последний вовсе не нуждался в помощи. Он бросил с борта фелюги скомканный сюртук, который почти беззвучно упал на перекрещенную железными полосками крышку сундука, и соскользнул по канатам с обезьяньей ловкостью, свойственной бывалым морякам. Он и внешне походил на морехода – вернее, на пирата, сошедшего со страниц романтической приключенческой новеллы. Облегающие серые панталоны были заправлены в высокие сапоги – весьма изящного и даже щегольского покроя, но изрядно потрепанные. Талию охватывал широкий кожаный пояс, на котором висел вороненый, с латунными вставками, шестизарядный морской кольт в потертой кобуре и дорогая офицерская сабля в поцарапанных ножнах. Отделанная кружевами батистовая рубашка являла собою печальное зрелище. Левый рукав был наполовину оторван и пропитался кровью, сочившейся из неглубокой резаной раны на плече, на груди и животе виднелись пятна самого разнообразного происхождения. Брызги крови были и на правом рукаве, как будто владелец рубашки недавно рубил этой рукой мясо. В некотором смысле так оно и было, с той лишь разницей, что в данном случае «мясо» очень старалось не остаться в долгу.

Очутившись в лодке, ловкий рубака сразу же схватил весло и стал отталкиваться им от борта фелюги. Его пожилой спутник слегка замешкался; молодой человек свирепо оглянулся на него через плечо и сердито, хотя и негромко произнес:

– Ну, чего ждешь, старый хрыч? Полетать захотелось?

– Плечо у вас, барин, – тоже вполголоса и очень озабоченно откликнулся пожилой. – Эвон, кровящи-то сколько! Перевязать бы, а то так и до беды недалеко...

– До беды куда ближе, чем ты думаешь, – с хорошо знакомой пожилому свирепой веселостью сообщил рубака. – Если ты, дубина, сейчас же не начнешь грести, перевязывать будет уже нечего.

Покрытое кирпичным загаром лицо пожилого мгновенно приобрело испуганное и сосредоточенное выражение. Тон спутника был куда красноречивее слов; а если вспомнить, что перед тем, как спуститься в ялик, он зачем-то лазил в трюм, сразу становилось ясно, что он не только не шутил, но даже и не преувеличивал грозящую им опасность.

Старик торопливо вставил весла в ключины и принялся грести так, словно за ним гналась сама смерть с косой. Старый слуга – сначала дядька при молодом барине, затем его камердинер, денщик и после позорной отставки снова камердинер – хорошо изучил крутой нрав своего хозяина и точно знал: если уж Дмитрий Аполлонович задумал наделать шуму, он его надделает, да такого, что дай бог самим ноги унести. И удержать его нельзя, и отговаривать бесполезно – все равно сделает по-своему, даже если ему после этого небо на макушку упадет. Плевать ему на это.

Весла с плеском входили в черную, почти невидимую в тумане воду. Небо над головой светлело, предвещая скорый восход. Дмитрий Аполлонович стоял во весь рост на корме, положив левую ладонь на эфес, и смотрел назад, на покинутую фелюгу, которая постепенно растворялась в тумане. Сначала она виднелась во всех подробностях, освещенная кормовым и носовым фонарями, затем превратилась в расплывчатое темное пятно, а потом и вовсе исчезла из вида. Дмитрий Аполлонович закурил длинную турецкую папиросу и сел к рулю. Красный огонек разгорался и гас, выхватывая из предрассветной мглы его красивое лицо с темной полоской щегольских усиков на верхней губе и с аккуратно подстриженными бакенбардами. Твердой рукой направляя лодку к недалекому берегу, он продолжал смотреть туда, где осталась невидимая в тумане фелюга. Он явно чего-то ждал и по прошествии нескольких минут дождался: в тумане сверкнула мутная оранжевая вспышка, и сейчас же послышался глухой громовой раскат. Налетевший горячий ветер сорвал с головы камердинера картуз и швырнул его в воду, в корму ударила высокая волна, а спустя мгновение с неба градом посыпались горящие обломки. Головни шлепались справа и слева, шипя и окутываясь паром. Пар смешивался с туманом, который так и ходил ходуном, расплываясь в стороны рваными клочьями. Ялик закачался на взволновавшейся воде, норовя зачерпнуть ее бортом, в тумане за кормой плясало и подмигивало оранжевое зарево: останки взорванной фелюги горели, медленно погружаясь в воду.

Старик бросил весла, потянулся, чтобы снять картуз, и, обнаружив, что его нет, истово перекрестился.

– Что крестишься, дурень? – спросил его невозмутимый хозяин. – Это ж турки, нехристи. Или, как ты выражаешься, басурманы.

– Что ж с того, что басурманы? – рассудительно и печально возразил камердинер. – Все одно живые души. Упокой их, Господи...

– Завел свою шарманку, – с досадой произнес Дмитрий Аполлонович. – Гребни, лапоть старый!

Протяжно вздохнув, камердинер налег на весла, и перегруженный ялик, рассекая носом воду, тяжело и неохотно двинулся сквозь туман к невидимому скалистому берегу.

* * *

Он упорно продвигался вперед и вниз, с радостью первопроходца открывая все новые тоннели и коридоры. Укрепленный на желтой пластиковой каске мощный электрический фонарь выхватывал из вечного мрака сырые, крошащиеся кирпичные стены, низкие своды в известковых натеках, грубые стыки бетонных плит с проросшими сквозь них косматыми бородами каких-то корней. Под ногами то плескалась мелкая вода, то похрустывал гравий, то чав-

кала вонючая грязь. С возмущенным писком разбежались потревоженные вторжением чужака крысы. Они были крупные; тут встречались экземпляры величиной с полугодовалого котенка, и, по слухам, это был далеко не рекордный размер. На сочащихся влагой стенах лениво копошилась бледная многоногая мерзость, по углам пушистыми холмиками цвела плесень, милосердно скрывающая какие-то гниющие останки. Чем дальше он забирался, углубляясь в сырой подземный лабиринт, тем яснее становилось: нога человека не ступала здесь лет сто, а может быть, и больше. Похоже, ему удалось проникнуть в старую, заброшенную, никем до него не исследованную часть московских катакомб – таинственную, полумифическую, за века обросшую множеством мрачных легенд подземную страну, существовавшую задолго до того, как первые метростроевцы начали вгрызаться в грунт своими отбойными молотками.

Он шел, на каждом повороте отмечая направление своего движения меловыми стрелками, с удовольствием находя все новые подтверждения тому, что он действительно проник сюда первым из всех, с кем был знаком лично и о ком знал лишь понаслышке. Вообще, одиночные экскурсии даже в исследованные, хорошо знакомые каждому диггеру подземелья в их среде не приветствовались. О Рыжем, который был большим любителем таких прогулок, говорили как о чокнутом, который рано или поздно плохо кончит – сломает ногу и сдохнет в подземной норе, не дождавшись помощи, или найдет еще какое-нибудь смертоносное приключение на свою безмозглую рыжую башку. Но, как говорится, каждый сходит с ума по-своему. Кто-то боится замкнутого пространства, а кто-то, наоборот, открытого; один страдает боязнью высоты, а другого хлебом не корми, только дай забраться повыше, а потом, если получится, еще и сигануть с парашютом... Главное, что вылазки Рыжего никому не мешают и рискует он, между прочим, только собой, и никем больше. Он не алкоголик, не наркоман, не вор и не бандит; не гоняет в пьяном виде на автомобиле, не пристаёт с грязными предложениями к незнакомым лицам женского пола и спускается под землю не для того, чтобы вывести из строя городские коммуникации, а лишь затем, чтобы побыть наедине с собой и увидеть то, что недоступно взгляду простого смертного.

Коридор, по которому он сейчас двигался, полого уходил вниз. Вскоре Рыжий остановился у развилки и, как всегда, заколебался, не зная, какое из ответвлений выбрать. И опять же как всегда, прибег к испытанному средству: вынул из кармана и подбросил к потолку монетку. Монетка легла кверху решкой; Рыжий подобрал ее, сунул обратно в карман, мелом начертил на кирпичной стене кривую стрелку и повернул налево.

Далеко он, впрочем, не ушел: сразу за поворотом его взору предстал завал из рухнувших со свода кирпичей вперемешку со слежавшейся до каменной твердости землей. Завал гигантской пробкой закупорил коридор; о том, чтобы раскопать его в одиночку, не имея инструментов, нечего было и мечтать. Рыжий и не мечтал; он просто мысленно отметил тот факт, что монетка его на этот раз подвела, повернулся к завалу спиной, вернулся к развилке, стер со стены недавно нарисованную стрелку и изобразил новую, острием направо. Он как раз прятал мел в карман непромокаемого резинового комбинезона, когда его взгляд, рассеянно скользивший по стене, наткнулся на еще одну меловую стрелку – поблекшую, полустертую, но, несомненно, нарисованную рукой человека.

Это было скверно, поскольку означало, что Рыжий здесь, увы, не первый. Радость первооткрывателя стремительно пошла на убыль, но Рыжий прекрасно понимал, что, во-первых, все эти подземелья выстроены людьми, а значит, быть здесь первым он не может просто по определению – никто не может, и он в том числе. А во-вторых, стрелочку, на которую он наткнулся, могли нарисовать десять, двадцать, а может быть, и все сто лет назад. Или даже триста. А почему бы и нет? Дожди тут, под землей, не идут, ветра не дуют – так что нарисовать ее могли и впрямь давным-давно. От ныне здравствующих диггеров Рыжий про эту часть лабиринта ни разу не слышал, а это означало какой-никакой, но все-таки приоритет.

Рыжий поразмыслил на эти темы, сидя на корточках у стены и экономно смоля сигаретку. Докурив, он затоптал окурочек и носком сапога надвинул на него горку сырой земли. Сделав скупой глоток из фляги – под землей он пил только воду, – Рыжий поднялся с корточек и решительно двинулся по правому коридору, гадая, куда он приведет.

Примерно через полчаса коридор уперся в кирпичную перегородку, но диггер даже не успел огорчиться по этому поводу: луч фонаря, скользя по аккуратной кладке, канул в бездонный мрак неровного пролома. Рядом с проломом грудой валялись битые кирпичи, а в уголке к стене была прислонена кувалда – увы, почти совсем новая, со светлой деревянной ручкой, конец которой был окрашен желтой краской примерно того же оттенка, что и непромокаемый комбинезон Рыжего.

– А, чтоб тебя! – в сердцах выругался «первооткрыватель», убедившись, что его обскакал не какой-то никому не известный и всеми забытый древлянин, а кто-то из ныне здравствующих диггеров.

Просунув голову в пролом, он осмотрелся. Ничего особенного там не обнаружилось. Там был еще один коридор, расположенный почти перпендикулярно тому, которым пришел Рыжий, и приблизительно на полметра ниже. Он был кирпичный, узкий, довольно сухой, со сводчатым закопченным потолком и без малейших следов каких бы то ни было кабелей и труб, что свидетельствовало о его воистину почтенном возрасте. Построили его явно задолго до изобретения электричества и с тех пор, похоже, никак не использовали – во всяком случае, провести сюда свет никто не удосужился. Зато кто-то не поленился его замуровать, а кто-то спустя много десятилетий взял на себя труд отыскать это место и проломить стену – то есть предпринял действия, диггерам не свойственные. Диггеры ничего не ломают, не долбят и не бурят, предпочитая пользоваться уже существующими путями. Да и какой смысл крушить кирпичи и бетон, если, проломив стену, ты почти наверняка упруешься в сплошной грунт? И это не говоря о более чем реальной угрозе вызванного твоими действиями обвала...

По всему выходило, что проломивший кирпичную перегородку человек, во-первых, не был диггером, а во-вторых, действовал с какой-то вполне определенной целью. Он знал, куда идет и чего ищет, а это уже было очень, очень интересно.

«Сокровища!» – подумал Рыжий. Ирония, которой был окрашен этот мысленный возглас, даже ему самому показалась не вполне искренней. Но нет, наверное, на свете диггера, который в глубине души не надеялся бы рано или поздно отыскать под землей что-то более интересное, чем крысы, слизняки, телефонные кабели и сточные воды...

Тут ему очень некстати подумалось, что сокровища, особенно те, которые уже кем-то найдены, просто так, без присмотра, под ногами не валяются. Тот, кто не поленился спуститься в подземный лабиринт, проломить кирпичную стену и отыскать то, что было за ней спрятано (а что-то было, ведь не зря же замуровали проход), наверняка постарается сберечь свою находку, обезопасить ее от таких любопытных типов, как Рыжий. Что бы ни лежало там, в конце сводчатого кирпичного коридора, оно никоим образом не предназначалось для чужих глаз. А как в наше время – да и во все предшествующие времена, если уж на то пошло, – некоторые люди оберегают свои сокровища, Рыжий знал очень даже хорошо. Слава богу, на своей шкуре ему этого испытать не довелось, и он вовсе не стремился попробовать, каково это – попасться около чужой кубышки...

Он постарался прогнать тревожные мысли. В конце концов, какому-нибудь Колумбу тоже небось было несладко. Все сроки вышли, кругом одна вода, жрать нечего, команда бунтует, а о том, что земля круглая, в те времена никто не знал. Некоторые догадывались, но предпочитали помалкивать – кому охота на костер? Вот он, бродяга, и плыл через этот свой плоский океан, не зная, что его ждет впереди. А ну как перевалишь через край Земли и полетишь в тартарары?

В этом-то весь и фокус, думал Рыжий, осторожно протискиваясь в пролом и поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы хорошенько осветить налобным фонарем коридор. Так оно

испокон веков и ведется: в ком страх сильнее любопытства, тот дома сидит, поясницу чешет. А кому перед телевизором с банкой пива торчать тошно, тот должен уметь через свой страх перешагивать. Морем плыть страшно, по воздуху лететь, да еще когда никто до тебя этого не делал, тоже не сахар. А альпинисты? А автогонщики? А... Э, да что там! В конце-то концов, диггерство – это тоже такое хобби, которое людям со слабыми нервишками противопоказано...

Накативший было испуг отступил, отхлынул от сердца, как откатывается набежавшая на берег волна. Рыжий перевел дух, всухую сплюнул под ноги – то-то же, а то сочинил себе сказочку про сокровища и скелеты, которые их стерегут! – и, отыскав на кирпичной стене размазанный след старательно стертой кем-то стрелки-указателя, решительно зашагал в обозначенном ею направлении.

Глава 2

Утро выдалось хмурое – серенькое, пасмурное, с мелким дождичком, который с тупым упорством рябил воду в скопившихся за ночь на асфальте лужах. Отопление уже отключили, под одеялом было тепло и уютно; возможно, поэтому, а может быть, в силу каких-то иных, более уважительных и научнообразных причин – например, вследствие меняющегося атмосферного давления – выбраться из кровати в это утро оказалось тяжелее, чем когда бы то ни было. Глаза закрывались сами собой, и стоило векам сомкнуться, как на темном экране дремлющего сознания начинало разыгрываться очередное захватывающее действие, во сне казавшееся исполненным смысла, а в момент очередного пробуждения нелепым, ни с чем не сообразным. От этих утренних сновидений в памяти оставались лишь смутные обрывки, тающие буквально на глазах, как брошенные в таз с водой снежные комья, – какие-то массивные золотые сосуды и украшения, драгоценные камни величиной с кулак чемпиона мира по боксу, серьги, подвески и античные вазы, которые, стоило к ним приблизиться, превращались в груды пыльного, ни на что не годного хлама. Все эти сны, вне всякого сомнения, были вызваны из глубин подсознания впечатлениями вчерашнего дня. Вполне возможно, просыпаться было трудно еще и потому, что сны эти дарили смутную надежду: казалось, если поспать еще немного, хотя бы минуток пять, ответы на все вопросы придут во сне, как, по легенде, явилась Менделееву его периодическая таблица. И тогда останется лишь встать, умыться, выпить кофе и отправиться на службу, чтобы там удивить коллег готовым решением проблемы...

Никакое решение к подполковнику Ромашову во сне, естественно, не пришло, зато, поддавшись лени, он здорово проспал. В результате на работу явился с небольшим опозданием, скверно выбритым и не успевшим совершить утренний кофейный ритуал. Пить кофе ему пришлось уже в кабинете, и кофе, разумеется, был именно того качества, которого можно ожидать от напитка, приготовленного путем растворения подозрительной коричневой субстанции из жестяной банки в стакане с кипятком.

Правда, после второго стакана этой бурды, напоминавшей слабый отвар дубовой коры пополам с древесным углем, и трех-четырех выкуренных подряд сигарет в голове прояснилось, и подполковник с удивлением осознал, что впервые за последние полгода чувствует себя отлично выспавшимся, свежим и отдохнувшим. Неужто ему постоянно, изо дня в день, не доставало именно этого получаса?

Днем тучи как-то незаметно разошлись и в небе засверкало солнце – веселое, яркое, какое бывает только во второй половине апреля, когда весна наконец набирает полный ход и властно вступает в свои права. Солнечные лучи слепящими вспышками отражались в подсыхающих лужах и стеклах проезжающих по улице автомобилей. Солнце щедро золотило осевшую на окнах кабинета пыль, в которой дождик промыл массу замысловато извивающихся дорожек; косой четырехугольник яркого света пересекал заваленный бумагами стол, ложился на истертый коваными каблуками паркет и загибался на стену, немного не дотягиваясь до нижнего края деревянной рамы, в которую был заключен портрет президента. Глава государства смотрел со стены строго, без намека на улыбку – не смотрел, а прямо-таки целился, напоминая тем, кто успел об этом забыть, кем он был до того, как перебрался в Кремль.

Впрочем, толстяк, сидевший за столом напротив Ромашова, на президента не смотрел – ему, толстяку, было не до того. Он пыхтел, сопел и поминутно утирал потеющую лысину мятым носовым платком. Всякий раз, когда он взмахивал этой клетчатой тряпицей, по кабинету распространялся запах дорогой парфюмерии, да такой густой, что временами забивал даже крепкий дух переполненной пепельницы. Лысину, спереди украшенную смешным хохолком, обрамляли полуседые волосы, волнистыми локонами ниспадавшие на покатые плечи; жирное туловище было втиснуто в светлый парусиновый пиджак, под которым виднелась винно-крас-

ная шелковая рубашка с распахнутым воротом. Под рубашкой, поверх туго набитого салом кожаного мешка, заменявшего этому типу шею, был кокетливо повязан цветастый шейный платок; на пухлой, синеватой от бритья щеке виднелось некое образование, что-то среднее между родинкой и бородавкой – крупное, темно-багровое, с торчащим пучком длинных, загибающихся колечками волос. В левую глазницу была вставлена лупа, как у часовщика или ювелира, почти целиком утонувшая в жировых складках; на столе, под рукой, лежала еще одна лупа, по виду старинная и притом очень мощная, к помощи которой толстяк прибегал уже четыре раза. В коротких и толстых, поросших жесткими черными волосами пальцах толстяк сжимал некий предмет из тусклого желтого металла – совсем небольшой, сантиметра полтора в длину, немного похожий на морскую ракушку, – уже в который раз придирчиво осматривая его со всех сторон. Он занимался этим уже битых двадцать минут. Поначалу подполковник Ромашов пытался задавать ему какие-то наводящие вопросы, но толстяк не реагировал, и подполковник, смирившись с неизбежным, стал ждать. Он положил себе ждать полчаса, по истечении которых намеревался вывести посетителя из транса любыми доступными средствами, вплоть до рукоприкладства, поскольку создавалось впечатление, что посетитель способен просидеть так не один час.

О, разумеется, он был способен! В этом подполковник Ромашов не сомневался, поскольку прямо перед ним, кое-как втиснутый в узкое пространство между спинкой стула и краем стола, сидел не кто-нибудь, а сам Петр Самсонович Степаниди – один из крупнейших и наиболее авторитетных коллекционеров антиквариата, человек-легенда, в чьих жилах бурлила взрывчатая смесь греческих, кавказских и бог знает каких еще кровей. Две недели назад человека-легенду нагло обокрали, нанеся его коллекции огромный и невосполнимый (по его словам) ущерб. Такова была причина, по которой Петр Самсонович в данный момент обретался на Петровке, 38; а поскольку это был не обычный «терпило», а сам Степаниди с его многочисленными связями и знакомствами, обретался он именно в кабинете подполковника Ромашова, а не в каморке у кого-нибудь из оперов. Чему, надо добавить, подполковник вовсе не был рад. . .

Предмет, который с таким вниманием рассматривал, обнюхивал и разве что не пробовал на зуб многоуважаемый Петр Самсонович, представлял собой серьгу – надо понимать, золотую, хотя из-за бесчисленного множества мелких царапин золото было совсем тусклым и с виду больше напоминало дешевую латунь. В списке вещей, похищенных из квартиры Степаниди, значились три пары золотых серег. Та вещица, что в данный момент подвергалась осмотру, не очень-то подходила под данное потерпевшим описание, однако само описание было достаточно расплывчатым, и, заполучив серьгу в свое распоряжение, Ромашов решил на всякий случай предъявить ее Петру Самсоновичу, о чем, признаться, уже начал горько сожалеть. Степаниди наслаждался наблюдаемым сквозь лупу зрелищем, а Ромашов терял драгоценное время, поскольку даже без лупы видел, что серьга, хоть и очевидно ценная, Петру Самсоновичу никогда не принадлежала. Такой маститый коллекционер, как Степаниди, надо полагать, узнал бы свое имущество с первого взгляда, не прибегая к столь тщательному осмотру.

Покосившись на часы (до истечения отведенного коллекционеру на изучение серьги срока оставалось еще около шести минут), Ромашов закурил очередную сигарету и стал, сучая, наблюдать за прихотливыми извивами табачного дыма в солнечных лучах. На дым он за эти двадцать четыре минуты уже насмотрелся до тошноты, равно как и на мелкий чешуйчатый узор, созданный на оконном стекле дождем и пылью. Наконец Степаниди встрепенулся, осторожно положил серьгу на стол, вынул из глаза лупу и принялся гримасничать, разминая затекшие мускулы лица.

– Прошу меня простить, – сказал он своим высоким, как у женщины, голосом и приложил жирную короткопалую ладонь примерно к тому месту, где под могучим слоем сала должно было скрываться его сердце, – прошу меня простить, я запомнил, как вас по батюшке?..

Запомнить он этого не мог, поскольку никогда не знал. В силу некоторых причин подполковник Ромашов, когда это было возможно, избегал представляться незнакомым людям по имени-отчеству. Ссылка на забывчивость в данном случае являлась не чем иным, как вопросом, заданным Степаниди в соответствии с его представлениями о вежливости; сознавая это, подполковник взял себя в руки и не стал грубить, заявляя, что его имя и отчество не имеют отношения к делу.

– Иван Гермогенович, – буркнул он, уже в который раз испытав не самые добрые чувства по отношению к своим покойным деду и бабушке, которые не сумели придумать для сына лучшего имени.

Степаниди несуразное отчество подполковника Ромашова привело в необъяснимый, но явный восторг. Весь засияв, как внезапно включившийся в непроглядной тьме зенитный прожектор, толстяк вскочил, обеими руками схватил лежавшую на столе ладонь подполковника и сердечно потряс ее раньше, чем Ромашов успел этому хоть как-то воспрепятствовать. Освободившись, подполковник украдкой вытер руку о брюки – ладони у коллекционера оказались скользкими и липкими от пота.

– Иван Гермогенович, – с удовольствием, будто смакуя, повторил Степаниди. – Очень, очень приятно!

Ромашов наконец сообразил, чем вызван столь бурный восторг коллекционера. Нетрадиционное отчество подполковника милиции Ромашова, видимо, заставило толстяка думать, что он имеет дело не с обычным ментом, а с потомком старинного, интеллигентного, а может быть, даже и дворянского рода – наследником вековых традиций московской профессуры, адвокатуры или, к примеру, царского офицерства. Почему этот жиртрест не предположил, что подполковник Ромашов продолжает традиции, скажем, российской жандармерии, оставалось только гадать; наверное, видеть в Ромашове родственную душу ему было приятнее, чем общаться с обыкновенным долдоном в пуговицах.

– А скажите, если не секрет, глубокоуважаемый Иван Гермогенович, – вновь усаживаясь на недовольно скрипнувший стул, с сердечностью, которая косвенно подтверждала догадку подполковника, продолжал Степаниди, – каким путем попал к вам этот бесценный раритет?

Подполковник деликатно выдул дым в сторонку и ввинтил окурочек в переполненную пепельницу.

– Прошу меня простить, уважаемый Петр Самсонович, – произнес он, безотчетно копируя манеру речи собеседника, – но вынужден напомнить, что... э... ну, словом, вопросы здесь задаю я. Я с удовольствием удовлетворю ваше любопытство, но дело – прежде всего. Итак, эта серьга из вашей коллекции?

– Нет, что вы! – воскликнул Степаниди с таким испугом, словно Ромашов попытался обвинить его в ограблении Алмазного фонда. – Как вы могли подумать?!

«Головой», – хотел ответить Ромашов, но, естественно, промолчал.

– Нет, – повторил коллекционер, – разумеется, нет. Однозначно и категорически. Мне казалось, я дал вашим людям вполне исчерпывающее описание...

– Возможно, оно выглядит таким для эксперта в данной области, – самым корректным тоном, на какой был способен, возразил Ромашов. – Но вы должны сделать скидку на нашу неосведомленность...

– Понимаю, понимаю, – с готовностью согласился толстяк. – Так вы не эксперт? Надо же, а мне почему-то казалось... Впрочем, это не суть важно. Важно, дорогой Иван Гермогенович, что перед нами сейчас находится воистину бесценная вещь! Поверьте, если бы не строгость моих моральных принципов, мне было бы трудно устоять перед искушением... э, ну... в общем, сказать, что это мое.

Ромашов сумел сдержать ироничную улыбку. Строгость принципов... Ха! Держи карман шире. Да кто бы тебе поверил?

– Фантастика! – продолжал Степаниди, осторожно беря серьгу двумя пальцами и любясь ею – на сей раз, для разнообразия, невооруженным глазом. – Ума не приложу, как она могла попасть к вам...

Ромашов потерев кончик носа, прикидывая, стоит ли откровенничать с этим типом. Он решил, что стоит: все эти коллекционеры, торговцы антиквариатом и ювелиры одним миром мазаны, все не прочь при случае обойти закон, и эта история, будучи правильно преподнесенной, послужит толстяку неплохим уроком на будущее. Так сказать, укрепит его хваленые моральные принципы... Тем более что процедура, в результате которой серьга попала на Петровку, была стандартная, хорошо знакомая всякому, кто имел отношение к купле-продаже антиквариата.

– Попала эта вещица к нам очень просто, – сказал он, наконец преодолев искушение закурить еще одну сигарету. – Ее пытались сдать в антикварный магазин. Владелец магазина, поставленный в известность о приключившейся с вами неприятности, позвонил нам, поскольку данный предмет показался ему весьма ценным и... э... ну, словом, по-настоящему старым.

– Ха! – отреагировал Петр Самсонович. – Ха-ха!

– Мы задержали человека, пытавшегося продать серьгу, до выяснения обстоятельств, – закончил Ромашов, – и допросили.

– И что он вам сказал? – иронически поинтересовался Степаниди.

– Что эта серьга принадлежала его бабуке, – сообщил Ромашов. – Вторая-де потерялась много лет назад, а эта хранилась дома как семейная реликвия...

– Ха! – опять воскликнул Степаниди. – А как звали его бабуку, вы не спросили?

– Не уверен, что это имеет отношение к делу, – осторожно заметил подполковник Ромашов.

– Еще как имеет! – заверил его коллекционер. – Судя по этому предмету, – он снова схватил со стола серьгу и повертел ее перед глазами, – судя по этой семейной реликвии, бабуку вашего задержанного вполне могли звать Еленой Прекрасной.

– Простите? – механически переспросил подполковник.

В первый момент он действительно не понял, что имеет в виду собеседник. Это имя – Елена Прекрасная – вызвало у него ассоциации с народными сказками о Василисе Премудрой, Марье-Искуснице и тому подобных персонажах, вплоть до Царевны-Лягушки. Слова Степаниди прозвучали как неуместная шутка, и Ромашов не раздражился лишь потому, что давно усвоил: чувство юмора у каждого свое, и то, что кому-то кажется весьма остроумным высказыванием, собеседнику зачастую представляется бессмысленным набором слов. Ему самому не раз доводилось растолковывать друзьям и знакомым – неглупым, наделенным чувством юмора людям – смысл своих собственных шуток. Они, эти шуточки, не были ни чересчур плоскими, ни, наоборот, слишком сложными для восприятия; они просто отражали свойственный Ромашову склад ума, который не всегда был таким же, как у его слушателей. Профессиональный юмор милиционеров наверняка покажется профессору филологии грубым и циничным; ботанику ни за что не понять, в чем соль анекдотов, которыми обмениваются за столом ученые-физики, а уж о том, как шутят врачи, лучше вообще не вспоминать. Перед Ромашовым в данный момент сидел коллекционер антиквариата – человек, дела и мысли которого находились далеко за пределами сферы профессиональных интересов подполковника. И, коль скоро этот тип начал шутить на узкоспециальные темы, определенное недопонимание со стороны Ромашова было, можно сказать, неизбежно...

Степаниди, явно ожидавший совсем иной реакции на свое эмоциональное заявление, посмотрел на подполковника с нескрываемым удивлением, а потом, видимо что-то сообразив, утвердительно кивнул.

– Елена Прекрасная, – повторил он. – Дочь Зевса и Леды, жена царя Спарты Менелая, славившаяся красотой. Похищение ее Парисом послужило поводом к началу Троянской войны.

– Ах да, – припомнил Ромашов.

Представление о Троянской войне у него было самое общее и притом довольно-таки расплывчатое. Ну, Елена, яблоко раздора, троянский конь... Надо же, дочь Зевса! Ну и что?

– Что ж, – сказал он, решив оставить в стороне древних греков и их сложные взаимоотношения с богами Олимпа, – поскольку серьга не ваша, вопросов больше нет. Подпишите, пожалуйста, протокол.

Он перевернул бланк протокола, чтобы Степаниди мог прочесть его и подписать, и через стол подвинул бумагу к посетителю. Петр Самсонович, однако, не стал ничего подписывать. Он сидел неподвижно, уставившись на подполковника Ромашова с таким видом, словно тот у него на глазах только что превратился в чудище морское или отрастил вторую голову. У толстяка даже рот приоткрылся от изумления, так что стало видно, как там, в глубине, поблескивает надетая на коренной зуб платиновая коронка.

– В чем дело? – больше не скрывая нетерпения, поинтересовался Ромашов. – Что-нибудь не так?

– Вы что, не поняли? – тихим голосом спросил Степаниди. – Ах, Иван Гермогенович, да как же можно?! Это же сенсация! Настоящее открытие! Возможно, вам удалось раскрыть преступление века! Эта серьга... Неужели вы не понимаете? Когда родился Иисус Христос, этой серьге было уже без малого полторы тысячи лет!

– Как вы сказали? – опешил Ромашов.

– Я датировал ее тринадцатым или двенадцатым веком до нашей эры, – заявил Степаниди. – Возможно, специалист сумел бы определить возраст точнее, но несомненно одно: данный предмет принадлежит к малоазийской культуре античного периода – вероятнее всего, лидийской. Очень похожие серьги находили во время раскопок на холме Гиссарлык...

– Гиссарлык?

– В развалинах древней Трои, – уточнил Степаниди. – Эта вещица бесценна, Иван Гермогенович. Так что на вашем месте я бы более внимательно изучил генеалогическое древо человека, который пытался обменять ее на рубли...

* * *

Кофе был не то чтобы совсем плохой, но безнадежно далекий от того, что Глеб Сиверов привык называть хорошим. Напиток подали в белой цилиндрической чашке, он даже имел приятный аромат. Местечко, в котором готовили и подавали этот напиток, тоже оказалось вполне уютным, особенно если не принимать во внимание копии голландских натюрмортов, которыми были украшены гладкие кремовые стены, понизу обшитые темными деревянными панелями. Было видно, что создателю этих копий сплошь и рядом приходилось заменять мастерство усердием, черпая творческое вдохновение в суровой необходимости отработать полученный аванс. Если бы Глеб заранее знал об этих сомнительных украшениях, он постарался бы назначить встречу в каком-нибудь другом месте. А то сейчас придет, и начнется: ах, какие шедевры! Вы, наверное, нарочно пригласили меня именно сюда? Хотели, наверное, сделать приятное, порадовать, доставить, так сказать, эстетическое наслаждение?.. Что ж, вам это удалось! Поздравляю, ваше чувство прекрасного прогрессирует на глазах. Вы еще не начали коллекционировать рисунки на стенах общественных туалетов?

Пригубив кофе, Слепой снова попытался угадать, что послужило причиной вчерашнего телефонного звонка. Вряд ли Ирина Константиновна Андропова позвонила только потому, что ей наскучило вращаться в кругах музейных работников, коллекционеров и галерейщиков и захотелось пообщаться с «охотником за головами», каким она представляла себе Слепого с самой первой их встречи. Выбор места для этого свидания Ирина Константиновна оставила на его усмотрение, ограничившись перечислением заведений, которые, по ее мнению, для

этого решительно не подходили. Все названные ею места, насколько было известно Сиверу, частенько посещались все теми же художниками, владельцами галерей, коллекционерами и прочими представителями богемы. Следовательно, Ирина Андропова не хотела, чтобы знакомые видели ее в компании Сиверова. А поскольку Глеб, как правило, выглядел вполне прилично, не носил на лбу рогов, а на плечах – погон с синими просветами и вполне мог бы сойти если не за кавалера, то хотя бы просто за хорошего знакомого, можно было предположить, что разговор пойдет о весьма щекотливом деле и не предназначен для чужих ушей. Дело, заставившее Ирину Константиновну вспомнить телефонный номер Слепого, судя по всему, находилось в точке пересечения их профессиональных интересов – ее, знаменитого на обе столицы искусствоведа и признанного эксперта в вопросах живописи, и его – меткого стрелка, агента ФСБ, «охотника за головами»...

В очередной раз придя к такому выводу, Глеб усмехнулся. Его профессиональные интересы пересекались с интересами Ирины Андроновой так часто, что можно было уже говорить о закономерности, а не о череде случайных совпадений. Ирина Константиновна, однако, до сих пор не хотела этого признавать, хотя истина была очевидна. В том, что она, человек чистого искусства, так часто оказывалась замешанной в мрачных детективных историях со стрельбой на поражение, были виноваты вовсе не обстоятельства и, уж конечно, не Глеб Сиверов с генералом Потапчуком. Эти двое лишь однажды уговорами, с огромным трудом и почти против ее воли, привлекли Андронову к участию в расследовании; во всех других случаях если она и заставляла себя уговаривать, так для того лишь, чтобы продемонстрировать характер.

В Москве есть десятки, если не сотни людей, мало уступающих, а то и превосходящих ее в профессиональном отношении. Но Ирина была воспитана таким образом, что разговоры о так называемом культурном наследии не были для нее пустым звуком, и на защиту этого самого наследия она становилась всегда. Иначе она просто не могла, и Глеб подозревал, что, когда Федор Филиппович впервые предложил ей сотрудничество, она, помимо всего прочего, испытала немалое облегчение, поскольку наконец обрела союзников, тем более ценных, что они были не болтунами, а людьми действия...

Слепой докурил сигарету, и молоденькая официантка с красивым строгим личиком и точеной фигуркой сразу же заменила пепельницу. Небо за окнами прояснилось, цветные абстрактные витражи налились солнечным светом, засияли чистыми теплыми красками, и сейчас же, словно между этими двумя явлениями существовала некая взаимосвязь, в арке, соединяющей обеденный зал с фойе, появилась Ирина Андропова. Пока она стояла и высматривала Сиверова, тот воспользовался моментом и с огромным удовольствием оглядел ее с головы до ног. Впечатление, производимое на него внешностью искусствоведа Андроновой, всегда было одинаково: Ирина Константиновна выглядела безупречно, независимо от того, во что была в данный момент одета. Глеб подумал, что эта дамочка, подобно легендарной леди Годиве, запросто могла бы разгуливать по городу голышом без малейшего ущерба для своей репутации: в конце-то концов, никто ведь не тычет пальцем в обнаженную статую Венеры!

В тот самый миг, когда Сиверов, вдоволь налюбовавшись совершенством, созданным совместными усилиями матери-природы и современной индустрии красоты, вознамерился окликнуть Ирину, та заметила его и решительно направилась к занятому им столику в углу. Улыбка, которой Андропова ответила на искренний комплимент по поводу своей внешности, тоже была безупречной, но показалась Глебу дежурной – не то чтобы вымученной, но и не вполне искренней. Было видно, что Ирина Константиновна чем-то обеспокоена, а может быть, и по-настоящему встревожена. Определить степень ее обеспокоенности, как всегда, не представлялось возможным: эта женщина хорошо умела владеть собой.

Глеб помог ей сесть и вернулся на свое место. Накрытый жесткой крахмальной скатертью столик, увы, скрыл от него половину приятного зрелища, которое являла собой Ирина Константиновна, но и того, что осталось на виду, было вполне достаточно. Сиверов повернул

голову, и к столику сейчас же подошла официантка. Официантка была все та же – молодая, симпатичная, с красивым строгим личиком, точеной фигуркой, – но рядом с Ириной Андроновой она смотрелась примерно так же, как потрепанный «запорожец», припаркованный рядом с роскошным «бентли».

Официантка тоже это почувствовала. Ее строгое личико сделалось еще строже, и смотрела она теперь не на посетителей, а поверх их голов, в стену. Губы у нее были сердито поджаты, как будто Ирина Андроновна одним своим видом нанесла ей смертельное оскорбление.

– Кофе? – спросил Глеб у Ирины и, получив в ответ короткий рассеянный кивок, заказал кофе – чашку для Ирины и еще одну для себя.

Когда официантка ушла, Андроновна порылась в сумочке, достала сигареты и, опередив Сиверова, сама щелкнула изящной зажигалкой. Глеб, который с секундным опозданием высек огонь, пожал плечами и тоже закурил. Судя по поведению его знакомой, настроение у нее было даже хуже, чем он предположил вначале. Поэтому Слепой решил воздержаться от вежливой застольной болтовни и сразу перешел к делу, констатировал:

– Итак, произошла катастрофа.

Ирина коротко усмехнулась уголками красивых губ и бросила на него быстрый взгляд исподлобья.

– Я выгляжу как жертва катастрофы?

– Выглядите вы превосходно, – поспешил заверить Сиверов, – но я не настолько наивен, чтобы воображать, будто вы искали меня исключительно ради удовольствия лицеизреть мою физиономию.

– Вообще-то, я искала Федора Филипповича, – сообщила Ирина, – но не смогла до него дозвониться ни по одному из номеров. С ним все в порядке?

– Надеюсь, – сказал Глеб.

Ирина бросила на него еще один испытующий взгляд, но не стала ничего уточнять, сообразив, по всей видимости, что коль скоро Слепой не изъявил желания вдаваться в подробности, то и расспрашивать его бесполезно. Генералы ФСБ редко докладывают своим подчиненным, куда и зачем уезжают. А если и докладывают, то подчиненные, как правило, вовсе не стремятся делиться полученной информацией с первым встречным...

– Мне нужна ваша помощь, – призналась Ирина.

– Об этом нетрудно догадаться, – не удержался Глеб.

– Вы хотите, чтобы я ушла? – немедленно ошетибилась Андроновна, уловив в его голосе иронический оттенок.

– Да полно вам, – примирительно сказал Сиверов. – Если бы вы были способны сейчас встать и уйти, вы бы сюда просто не пришли. Ну, встанете, ну, уйдете, а дальше что? У вас ко мне дело, правда? Так почему бы не изложить его простыми словами?

Тут очень кстати подошла официантка с заказанным кофе. Ее появление дало Ирине Константиновне отличную возможность помолчать, справляясь с раздражением, и, поскольку пауза в разговоре была вынужденной, она не выглядела невежливой.

– В действительности, – сказала Ирина, когда официантка удалилась, – я не знаю, есть ли у меня к вам дело.

– Значит, вы располагаете информацией, которую необходимо проверить, – выручил ее Глеб, без особых усилий переведя туманную реплику собеседницы на простой человеческий язык.

– Пожалуй, да, – неуверенно согласилась искусствовед. – Это прозвучит вполне невероятно, даже нелепо...

– Так бывает, – снова поспешил на выручку Сиверов, – и притом очень часто. Украсть половину годового бюджета страны сплошь и рядом оказывается намного проще, чем выгнать

из чужого кармана тощий кошелек, именно потому, что в такую наглость никто не хочет верить. Да что я вам объясняю! У вас самой по этой части достаточно богатый опыт.

Ирина задумчиво покивала головой. Да, такой опыт у нее был. О делах, в расследовании которых она принимала участие, не стоило никому рассказывать как раз потому, что рассказам этим никто бы не поверил. Любой нормальный человек счел бы историю о похищении из Третьяковской галереи одного из самых известных, а главное, впечатляющих гигантскими размерами полотен не слишком умно придуманной байкой. Начертанный на знамени тупых консерваторов лозунг: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда» – очень удобен для людей с живым, нетрадиционным мышлением, когда они задумывают самые дерзкие преступления и аферы.

При упоминании о своем богатом опыте участия в немислимых, с точки зрения обывателя, историй Ирина Константиновна грустно улыбнулась, скользнула невидящим взглядом по висевшей над столиком, прямо напротив нее, топорной копии голландского натюрморта, пригубила кофе.

– Что ж, – сказала она, – вы правы. Я сама вас сюда позвала, так что рассказать все равно придется.

Рассказ ее был коротким и, честно говоря, не произвел на Сиверова особого впечатления. Из этого рассказа следовало, что на днях, а точнее позавчера, Ирина Константиновна присутствовала на открытии персональной выставки некоего художника, имя которого ровным счетом ничего не сказало Глебу Сиверову. Судя по тому, что и сама Андропова припомнила это имя с некоторым трудом, данный живописец до сих пор не оставил в изобразительном искусстве сколько-нибудь заметного следа и, похоже, не подавал в этом плане особых надежд. Но это никого не волновало. Выставка преследовала исключительно коммерческие цели, а гости были заняты друг другом, а также дармовой выпивкой и закуской.

– Я получаю до полутора десятков таких приглашений каждую неделю, – сердито пояснила Ирина Константиновна, заметив скользнувшую по губам Сиверова тень улыбки. – Ходить туда, как правило, довольно противно и абсолютно бесполезно. Очень жалко тратить время на светскую болтовню и позирование перед камерами. Но совсем не появляться на людях нельзя – забудут, и притом с удовольствием. Хороших художников с каждым днем все меньше, зато искусствоведов – пруд пруди...

Но и эти тонкости не имели ни малейшего отношения к делу. Суть же заключалась в анекдоте, рассказанном одним из гостей между двумя коктейлями с единственной целью – развеселить слегка приунывшее от лицемерия излишне концептуальных полотен восходящей звезды отечественной живописи общество.

Анекдот был рассказан человеком по фамилии Маевский – довольно известным, знающим и добросовестным коллекционером антиквариата. Каким ветром его занесло на живописную выставку, где ему было совершенно нечего делать, оставалось только гадать; вероятнее всего, Маевский явился сюда за компанию с кем-то из знакомых – встретил на улице, разговорился и так увлекся беседой, что не заметил, как очутился в окружении полотен, способных привести в содрогание даже самого ревностного поклонника абстрактной живописи. Числилась за ним такая слабость: начав говорить, он уже не мог остановиться и молол языком до тех пор, пока его не заставляли умолкнуть.

Так вот, Ирине Константиновне выпало сомнительное счастье краем уха, совершенно случайно подслушать историю, которой коллекционер развлекал гостей, которым надоело изображать восхищение при виде глядящего буквально с каждой стены живописного кошмара и которых угораздило, пробираясь к выходу, угодить в расставленные господином Маевским сети.

Несколько дней назад коллекционеру позвонил незнакомый ему молодой человек и попросил о встрече. Юноша, не предъявив никаких рекомендаций, не сославшись на знакомых

и даже не признавшись, каким путем добыл номер телефона, был тем не менее весьма настойчив. Он утверждал, что якобы располагает неким особо ценным предметом.

Маевский был стреляный воробей и сразу заподозрил неладное. Серьезные дела так не делаются – по крайней мере, как правило. Но он был коллекционер и, конечно, втайне верил в чудеса. Как всякому настоящему коллекционеру, ему не раз доводилось иметь дело с темными, подозрительными личностями и выписывать сложные вензеля вокруг буквы закона. Вот и на этот раз в голосе звонившего ему почудилось нечто такое, что заставило рискнуть. Не то чтобы голос этот дрожал или срывался от волнения, но, кажется, этот молодой человек и впрямь считал, что располагает чем-то весьма и весьма ценным; естественно, он мог ошибаться, принимая, так сказать, карася за поросю, а вот Маевский права на ошибку не имел. Уже на второй минуте разговора он решил: да, дело это сомнительное, но, если потом окажется, что из-за излишней осторожности он упустил возможность пополнить свою коллекцию еще одной жемчужиной, воспоминание об этом происшествии будет отравлять ему существование до самой смерти.

Поэтому назначил молодому человеку встречу в людном месте и явился на нее вовремя, приняв все мыслимые меры предосторожности на случай возможной попытки ограбления, похищения и прочих криминальных действий, направленных против его жизни, здоровья и имущества.

Коллекционер был разочарован. Молодой человек пришел на встречу с пустыми руками, не имея при себе даже фотографии вещи, о которой шла речь. Маевскому пришлось довольствоваться косноязычным описанием золотого украшения, составленного из множества тонких, различных по длине цепочек с золотыми же листиками на концах. Молодой человек не знал не только возраста этого украшения, но даже и того, куда, на какую именно часть тела данное украшение полагалось надевать. Поначалу он сбил Маевского с толку, упрямо называя эту вещь «колье». И лишь потом, когда, отчаявшись дать сколько-нибудь достоверное словесное описание украшения, собеседник выхватил из кармана шариковую ручку и принялся неумело, но вдохновенно рисовать на ресторанной салфетке, коллекционер сообразил, о чем идет речь.

Незнакомец изобразил подобие сложного головного убора из золотых цепочек, которые должны были украшать женский затылок. Примерно такую вещицу Гомер описал в «Илиаде» – там, где Андромаха в горе срывает ее с головы и бросает в пыль. В поэме головной убор описан достаточно невнятно, и поколения исследователей плохо представляли себе, о чем конкретно идет речь, пока Шлиман не откопал его в развалинах древней Трои вместе с огромным количеством других занятых вещей.

Больше подобных предметов не находили нигде и никогда. Из этого следовало, что речь идет либо об одной из вещей, похищенных у Шлимана во время раскопок, либо, что вероятнее всего, о поздней подделке под нее. Не исключался также вариант, при котором весь этот разговор следовало расценивать лишь как попытку выманить коллекционера из дома, чтобы без помех очистить его квартиру. Последний вариант Маевский предусмотрел заранее – прямо скажем, за много лет до того, как ему позвонил этот странный тип, неспособный отличить старинную драгоценность от дешевой бижутерии.

Однако же целиком и полностью полагаться на меры предосторожности коллекционер не стал и, убедившись, что собеседник не готов продемонстрировать ему что бы то ни было, помимо неумелого рисунка на ресторанной салфетке, поспешил закончить разговор. Он не сказал ничего определенного, ограничившись осторожно высказанным, в меру скептическим пожеланием взглянуть на пресловутое украшение. «Не уверен, что эта вещь представляет ценность, – заявил он, ничем не рискуя, – да и профиль не совсем мой. . . Впрочем, приносите, я посмотрю. Если сам не заинтересуюсь, то, возможно, посоветую, к кому обратиться».

На назначенную повторную встречу молодой человек так и не явился, и телефонных звонков от него больше не поступало. Из этого коллекционер Маевский сделал вполне логич-

ный вывод, что никакого золотого украшения в природе не существовало, а если и существовало, то его владелец сам, без консультаций со специалистами, отлично знал ему цену, которая почти наверняка равнялась нулю. И был этот быстрый умом юноша, вероятнее всего, обыкновенным мошенником, да еще и начинающим – неопытным и глупым. Решился на большое дело и отступил, как только убедился, что Маевский никоим образом не подпадает под емкое определение «лох».

Удивительно было то, что молодой человек дал себе труд тщательно подготовиться к своему неудавшемуся мошенничеству, отыскав где-то подробное описание найденного Шлиманом украшения. Впрочем, как без особого труда убедился Маевский, сделать это было несложно: описание содержалось в «Иллюстрированной истории материальной культуры» – недавно изданной, общедоступной книге, рассчитанной, как ему показалось, на школьников средних классов или же на взрослых с задержками психического развития. Некоторая невнятность, с которой собеседник описывал украшение, происходила, по всей видимости, из того же не слишком надежного источника.

Словом, история вышла преглупая. Одно слово – анекдот. Именно так все и было преподнесено слушателям. Правда, в шутовском тоне Маевского Ирине Константиновне послышались скрытые нотки разочарования опытного охотника за сокровищами, убедившегося, что попавшая к нему в руки старая пиратская карта не более чем чья-то не слишком умная шутка.

Андропова заподозрила, что в рассказанной болтливым коллекционером истории не все так просто. Анекдот вышел не смешной – напротив, он ее встревожил. Не могло ведь, в самом деле, случиться так, чтобы кто-то в наши дни расхаживал по городу, имея в кармане часть легендарного клада Приама!

– Почему бы и нет? – философски заметил в этой части ее рассказа Глеб Сиверов, окутываясь облачком табачного дыма.

Про себя он подумал, что надо бы освежить в памяти полузабытые сведения о том, кто таков Приам и что это за клад, названный в его честь. История Троянской войны помнилась ему лишь смутными урывками. Началась она из-за женщины, и победили в ней греки – это Сиверов знал твердо. Помнил он и то, что Троя долгое время считалась плодом фантазии Гомера и что над дилетантом и самоучкой Генрихом Шлиманом потешался весь ученый мир – до тех пор, естественно, пока он не откопал руины легендарного города, сделавшись светилом мировой археологии...

– Вы ведь и сами думаете, что дыма без огня не бывает, – продолжал он, заметив, как нахмурилась Ирина Константиновна, – иначе ни за что не обратились бы ко мне. Хорошо, если это и впрямь анекдот. А если нет?..

– Сама не знаю, что на меня нашло, – призналась Ирина. – Наверное, я напрасно вас побеспокоила. В любом случае я не представляю, как это можно проверить.

– Ну, способов существует множество, – заверил ее Глеб. – И самый простой из них – поговорить с этим вашим Маевским. А вдруг это никакой не анекдот, и фигурирующий в нем предмет давно уже занял достойное место в его коллекции?

– И теперь он бегаёт по городу и всем об этом рассказывает, – иронически закончила Ирина.

– Он ведь не хвастается удачным приобретением, а всего лишь предлагает слушателям забавную байку. А сам следит за их реакцией: а вдруг кто-то еще в курсе? Возможно, старается выяснить, с какой стороны ждать опасности, а заодно и усыпить бдительность вероятного противника: дескать, да, такое предложение я действительно получал, но кончилось все пшиком – продавец пропал и больше не появлялся...

– Да уж, – с сомнением произнесла Андропова, стараясь не показать, какое тягостное впечатление произвели на нее слова «охотника за головами». – Если Маевский узнает, что

из-за меня им заинтересовалась ФСБ, мне придется менять не только место жительства, но и профессию, и круг знакомств...

– С вашей внешностью и умом это не составит особого труда, – заметил Глеб, удостоившись за эту реплику свирепого взгляда красивых глаз. – Да и откуда он это узнает? Вполне вероятно, что этой вещицы у него действительно нет. Быть может, ваш Маевский знает чуть больше, чем говорит. Быть может, он уверен, что вещь подлинная, но она от него ускользнула, и теперь он осторожно пытается навести справки: не слыхал ли кто-нибудь о ней? А кстати, Ирина Константиновна, насколько велика вероятность того, что упомянутый вами предмет – подлинный?

Ирина нахмурилась. Сиверов мог бы поспорить, что эта гримаса глубокой задумчивости унаследована ею от отца, хотя и не был знаком с профессором Андроновым.

– Примерно пятьдесят на пятьдесят, – сказала она наконец. – Раскопки Трои длились много лет. Велись они достаточно варварскими способами, ведь Шлиман, при всех его огромных заслугах перед археологией, не имел понятия о правильной методике этого дела. Многие вещи были потеряны, многое украдено – и во время раскопок, и при транспортировке... Надо вам сказать, это было что-то вроде золотой лихорадки, так что... Словом, пятьдесят на пятьдесят. Чуть больше, чуть меньше...

Слепой оживился:

– Честное слово, я прямо кожей ощущаю кладоискательский зуд... А почитать что-нибудь дадите? Ну, просто чтоб я не явился к Маевскому, как этот его продавец, с ресторанной салфеткой на случай, если вдруг кончится словарный запас...

– Дам, – наконец-то улыбнувшись, пообещала Ирина. – Кандидатскую вы на этом материале не защитите, но со словарным запасом будет полный порядок.

Глава 3

– Ну? – требовательно спросил подполковник Ромашов.

Задержанный, ссутулившись и зажав ладони между колен, с унылым видом смотрел в стол, пытаясь, по всей видимости, наспех сочинить очередное вранье взамен прежнего. Физиономия у него была круглая, веснушчатая, молочно-белая с голубоватым отливом, как это бывает только у настоящих рыжих. Давно нуждавшиеся в стрижке огненные лохмы торчали во все стороны, да и вообще вид у задержанного был усталый и помятый. Ничего иного Ромашов и не ждал; напротив, если бы арестант выглядел бодрым, подтянутым и отдохнувшим, подполковнику пришлось бы устроить кое-кому разнос за недостаточно точное соблюдение приказа.

– Не понимаю, чего вам от меня надо, – дрожащим, плачущим голосом произнес задержанный. Он был окончательно деморализован и близок к панике. Нет, к уголовному миру он явно не принадлежал, а кражу совершил, надо полагать, случайно, не устояв перед искушением, – что называется, бес попутал.

– Я все рассказал, как было, – продолжал он, – да тут и рассказывать нечего. Серьга бабушкина, фамильная. Понадобились деньги, решил продать подороже... Она ж старинная, не на лом же ее сдавать! А тут такое дело... Знал бы – слил какому-нибудь барыге за полцены...

Подполковник Ромашов усмехнулся, закуривая сигарету. «Полцены»... Степаниди утверждал, что эта побрякушка вообще бесценна. А значит, стоимость ее либо бесконечно велика, либо равняется нулю. Вот и думай, что это за зверь – половина ТАКОЙ цены. Чему равна половина нуля, знает каждый школьник. А вот сколько же это будет – половина бесконечности? Да сколько бы ни было, все равно ни у одного барыги на свете таких денег нет и быть не может...

– Хорошая мысль, – сказал Ромашов вслух, – правильная. Только поздно она в твою голову пришла, Егоров. Слил бы барыге – получил бы деньги. Пусть небольшие, но все же... А так тебе вместо денег срок ломится. Лет пять, а то и все восемь...

– Что-о?! – задержанный нашел в себе силы возмутиться.

– Да-да, – сочувственно подтвердил Ромашов. – Головой надо было думать, прежде чем с краденной вещью в антикварный магазин соваться. Да еще в центральный... Я всегда говорю: не умеешь – не берись. Это, между прочим, еще Александр Сергеевич Пушкин подметил. Помнишь «Сказку о рыбаке и рыбке»? «Дурачина ты, простофиля, не садися не в свои сани»...

– С какой еще краденной?! – дрожащим голосом возмутился Рыжий. – У кого, по-вашему, я ее украл?!

– Тебе виднее, – загадочным тоном заявил Ромашов.

Момент был критический. Срок задержания почти истек – надо было либо предъявлять обвинение, либо отпускать. Степаниди серьгу своей не признал; заявлений о краже этой вещи от других владельцев частных коллекций и администраций музеев не поступало. Но Ромашов служил в уголовном розыске не первый год и давно научился понимать, когда собеседник лжет, а когда говорит правду. Так вот, этот рыжий Егоров явно врал. Вранье его не отличалось оригинальностью и наверняка было сочинено наспех, прямо в момент задержания. Оно не выдерживало никакой критики, но рыжий дурень держался за свою байку из последних сил, хотя было ясно, что он до смерти боится и что-то скрывает. Серьга, несомненно, досталась ему каким-то предосудительным путем, а что ни один музей до сих пор не заявил о пропаже... Знаем мы, как у них поставлен учет! Вон Эрмитаж и Третьяковку годами обкрадывали, и никто ничего не замечал, пока гром не грянул...

Эх, неплохо было бы и в самом деле вот так, между прочим, раскрыть ограбление века! Тринадцатое столетие до нашей эры – это о-го-го!..

– Ни у кого я ничего не крал, – угрюмо объявил задержанный.

– Значит, не крал, – с сомнением повторил подполковник. – Ладно, так и запишем.

Он действительно внес заявление задержанного в протокол. Егоров наблюдал за этой процедурой, хлопая рыжими ресницами, и, кажется, пытался прочесть, что именно пишет подполковник.

– Значит, серьга тебе досталась от бабушки. В наследство. Так?

– Так.

– Так и запишем.

Он снова сделал запись в протоколе, сдерживая довольную ухмылку.

– А бабушка давно умерла? – задал он следующий вопрос.

– Уме... – с огромным изумлением начал Егоров, но тут же спохватился: – Ах да. Да. Порядком уже. Лет семь, наверное.

– В канун миллениума, значит, – заметил Ромашов. – Значит, так и запишем? Кстати, просто для протокола: как бабушку-то звали?

– Евгения Петровна, – механически, явно думая о чем-то другом, ответил Егоров. Вид у него был такой, словно его только что стукнули по голове пустым мешком из-под картошки.

– Значит, Евгения Петровна, – старательно водя шариковой ручкой по бумаге, повторил Ромашов. – Умерла... В каком году? В девяносто девятом или в двухтысячном? К слову, это какая бабушка – которая в Ельне или та, что в Сыктывкаре?

Задержанный, который к этому моменту уже совсем повесил голову, вместо ответа закрыл лицо руками. Так и не сделав запись, подполковник аккуратно положил ручку поперек протокола и, закурив, по-отечески посмотрел на вихрастую рыжую макушку.

– Нехорошо, Егоров, – назидательно произнес Ромашов и снова затянулся сигаретой. – Что бабушка-то скажет, когда узнает, что внучок ее заживо похоронил? Евгения Петровна – это та, что по отцу, да? Которая в Сыктывкаре проживает, верно? Ну, да это и неважно. Обе ведь они живы, бабушки-то! Вот я тебе и толкую: нехорошо, Егоров! Что теперь скажешь? Что бабушка серьгу подарила? Или ты ее тайком из шкатулочки взял? А если бабушку спросить? Не пропала ли, мол, уважаемая Евгения Петровна, у вас из туалетного столика золотая сережка греческой работы, датированная приблизительно тринадцатым-двенадцатым веками до нашей эры?

– А? – тупо переспросил задержанный.

– До нашей эры, – с удовлетворением повторил подполковник. – Это не я придумал, дружок. Это сказал эксперт, знающий человек. Вещица эта музейная, мирового значения, и цены ей нет... Так что ты мне на это скажешь?

Рыжий провел ладонями по лицу сверху вниз, словно стирая грязь или слезы, а может быть, и выражение растерянности, появившееся на его конопатой физиономии после последней реплики Ромашова. Да, пожалуй, верно было последнее: со стороны это здорово напоминало движение мима, который вот так же, ладонью, стирает с лица улыбку и натягивает на него унылую гримасу. После того как Егоров отнял руки от лица, на нем вместо растерянности обнаружилось выражение угрюмой решимости. Теперь перед подполковником сидел этакий герой-панфиловец или защитник Брестской крепости, готовый умереть, но не сдаваться.

– Ничего я вам не скажу, – с вызовом объявил этот медноголовый герой-одиночка и, поджав пухлые губы, стал поверх плеча Ромашова смотреть в угол.

Подполковник снисходительно усмехнулся. Заявление Рыжего мало что меняло в картине дознания. В устах матерого уголовника или хотя бы воришки, который провел на зоне годик-другой, отказ говорить означал бы, что допрос зашел в тупик. Уход в глухую незнакомку – часть продуманной тактики сопротивления следствию. Егоров же замолчал просто потому, что не мог вот так, на ходу, выдумать новую ложь, которая прозвучала бы хоть скольконибудь правдоподобно. А выдумать он ничего не мог потому, что был парализован страхом. Незнакомая, пугающая обстановка, недружелюбный мент в подполковничьих погонах,

несколько ночей на нарах плюс перспектива огрести солидный срок – для него, сына обеспеченных родителей, столичного лоботряса, знакомого с российской пенитенциарной системой только понаслышке да по скверным телевизионным фильмам, все это должно было казаться кошмаром. Парочка ласковых слов сейчас могла сломать его вернее любой пытки; впрочем, Ромашов решил нагнать на задержанного еще немного страха.

– Твое право, – сказал он спокойно. – Только молчание тебе не поможет. Себе же хуже сделаешь. Мы ведь тебя хорошо изучили, гражданин Егоров. Ты ведь у нас диггер, так?

– Это не преступление, – заявил Рыжий, нарушив только что данный обет молчания.

Он тут же спохватился и снова поджал губы, но Ромашов почти не обратил на это внимания: он и так не склонен был принимать упомянутый обет всерьез.

– А я и не говорю, что это преступление, – все так же спокойно и миролюбиво сказал он. – Это просто глупость. И глупо, заметь, не диггерство само по себе, а как раз та его форма, которую ты практикуешь.

Рыжий вскинул голову, как боевой конь, заслышавший звук трубы.

– Много вы в этом понимаете! – пренебрежительно бросил он.

– Больше, чем ты думаешь, – остудил его воинственный пыл подполковник Ромашов. – И потом, тут и понимать нечего. Ты у нас путешественник-одиночка, верно? Герой-первооткрыватель. Колумб канализационных труб, Магеллан сточных коллекторов... Отшельник. Мыслитель. Целыми днями, а порой и по двое, по трое суток пропадаешь под землей в одиночку, и никто не знает, где ты находишься, что делаешь... Так? Можешь не отвечать, я сам знаю, что так, у меня на этот счет свидетельских показаний – вагон и маленькая тележка. И нераскрытых преступлений в моем отделе – тоже вагон. И если в этом вагоне порыться, непременно окажется, что добрая половина этих злодейств произошла как раз тогда, когда ты, Егоров, якобы находился под землей... Никто тебя в это время не видел, никто не знает, где ты был, чем занимался, а значит, Егоров, и алиби у тебя нет. Нету! – подполковник широко развел в стороны открытые ладони, будто стремясь продемонстрировать, что не прячет между ними алиби задержанного Егорова. – Так что молчи сколько хочешь. Мне твое молчание только на руку. Ведь что такое нераскрытые дела? Это выговоры, снятые премии и прочие неприятности, большие и маленькие... А доказательств твоей вины мы с ребятами нароем столько, что для любого суда хватит. И будешь ты у нас грабитель, убийца, садист, сексуальный маньяк, насильник и растлитель малолетних. А еще террорист... На этом фоне вот эта побрякушка, – Ромашов постучал пальцем по столу рядом с серьгой, – покажется мелочью...

Рыжий попытался изобразить скептическую, недоверчивую улыбку, но лучше бы он этого не делал: вместо улыбки получилась такая гримаса, что Ромашову даже стало его жалко. Зато улыбка подполковника выглядела вполне искренней, хотя Ромашов, в отличие от задержанного, знал, что выполнить угрозу будет не так-то просто. Родители у этого клоуна зажиточные и, надо полагать, на адвоката для своего чада не поскупят. А поскольку дело не политическое и Рыжий не олигарх, вызвавший неудовольствие на самом верху, грамотный адвокат не оставит камня на камне от любых обвинений. Это может сообразить даже Егоров, если дать ему время на то, чтобы успокоиться и подумать.

Но как раз этого подполковник Ромашов делать не собирался.

– Короче, как знаешь, – сказал он, демонстративно глядя на часы. – Возиться мне с тобой некогда. Сейчас отправлю тебя обратно в камеру и поручу твое дело кому-нибудь из своих ребят. Они с тобой по-другому поговорят. Пугать не хочу, но... Словом, будешь знать, к чему готовиться, когда в следующий раз захочется что-нибудь стянуть.

– Да не крал я ничего! – срывающимся голосом закричал Егоров. – Пропади она пропадом, эта ваша сережка! Нашел я ее, понимаете? Нашел!

– Ах, нашел! – обрадованно воскликнул подполковник. – Так это же совсем другое дело! И где же? На улице, как я понимаю? Или в подъезде, около мусоропровода?

Рыжий отчаянно замотал головой.

– Сейчас расскажу, – пообещал он. – Все скажу, как было, а там – как хотите. Можете посадить, если совести хватит, а только я его даже пальцем не тронул.

– Кого? – деловито спросил подполковник.

– А я знаю? – уныло откликнулся Рыжий. – Лежал там какой-то... До сих пор, наверное, лежит.

* * *

Скрюченное тело лежало на полу узкого сводчатого коридора. Человек был одет в поношенную кожаную куртку, испачканные землей и красноватой кирпичной пылью джинсы и старые туристские ботинки, облепленные засохшей подземной грязью. Тронутые разложением пальцы все еще слабо сжимали пятнистый от ржавчины пневматический пистолет – одну из тех игрушек, которые полностью имитируют боевые стволы известных марок, но стреляют стальными шариками и с пяти метров пробивают насквозь трехлитровую банку с водой. Разобраться в том, что это именно пневматический пугач, мог только человек, которому доводилось держать в руках настоящее оружие, да и то лишь при внимательном осмотре.

Левая рука мертвеца была откинута назад, за спину. Ее полураскрытая ладонь была пуста, если не считать бесцельно копошившейся в ковшике разлагающейся плоти многоножки. На распушем до толщины сардельки безымянном пальце поблескивал перстень-печатка из дешевого турецкого золота, на запястье беззвучно отсчитывали время кварцевые часы. Обезображенные разложением черты распушего, объединенного крысами лица с угнездившейся в глазницах белесой плесенью не давали никакой возможности хотя бы приблизительно определить его возраст.

Человека звали Дмитрий Крестовский. Он погиб в возрасте тридцати двух лет, будучи мужчиной, что называется, в самом соку, но без каких-либо определенных занятий. Сам себя он называл игроком, хотя профессиональные игроки сторонились его, считая выскочкой, самозванцем и вообще личностью несерьезной, не заслуживающей доверия.

Он знал, какого мнения о нем знакомые, и в целом был с этим мнением согласен. Пожалуй, единственное, чем он мог гордиться в свои тридцать два года, – это дворянское происхождение. Да и то... Род Крестовских, хотя и старинный, обеднел задолго до Октябрьского переворота. Кроме того, репутация его была запятнана давней некрасивой историей: какой-то предок обладал чересчур живым характером, чтобы достойно нести бремя обветшалой родовой чести.

Об этом предке Дмитрий Крестовский слышал только тогда, когда ему читали нотации после очередного учиненного им безобразия. «Черт меня дернул назвать тебя Дмитрием! – бушевал отец. – Как будто мало было в роду одной паршивой овцы!» А поскольку нотации Дмитрию читали частенько, он постепенно составил себе представление о своем предке, которого звали, как и его, Дмитрием, – картежнике, выпивохе, дамском угоднике и авантюристе, искателе приключений и охотнике за сказочными сокровищами.

Сравнение с тем первым Дмитрием Крестовским очень ему льстило, поскольку он находил в себе самом все перечисленные выше качества, а о дворянской чести имел весьма поверхностное представление и полагал это понятие устаревшим. Тоже мне, драгоценность – честь! Да у кого она в наше время имеется? Потому-то предки Россию и прогадали, что слишком много думали о чести и достоинстве и слишком мало – о деле. Честь... Тут и без чести только успевай поворачиваться, а вести в наше время серьезные дела с оглядкой на нее – это все равно что плавать с двухпудовой гирей на шее или, скажем, играть в карты, держа их рубашкой к себе, а картинкой наружу...

Месяца за полтора до того, как из никчемного, но все-таки живого человека превратиться в разлагающийся кусок холодного мяса, Дмитрий Крестовский попал в скверную историю, то есть сел играть в карты с теми, с кем садиться не следовало ни в коем случае. Люди, которых он принял за стопроцентных лохов, оказались профессионалами. Каталой, насколько понял Крестовский, являлся только один из них, остальные были на подхвате на случай возможных недоумений – таких, например, как предпринятая запоздало прозревшим Дмитрием попытка прервать игру.

В тот момент, когда ему силой помешали встать из-за игрового стола, уже начавшего походить на поле битвы при Ватерлоо, проигрыш его был невелик и существовал пусть призрачный, но все-таки шанс отыграться. Ну, пусть не шанс, а всего лишь надежда – какая разница, если выбора все равно нет?!

Игра продолжалась до тех пор, пока те, кто потрошил Крестовского, не поняли, что продолжать бессмысленно. Что толку выигрывать миллиард, который вам все равно никто не сможет отдать? С точки зрения простого здравого смысла даже те сто двадцать четыре тысячи, которые к концу игры задолжал своим мучителям Крестовский, были для него совершенно непосильной суммой.

Срок ему поставили жесткий – три дня. «Вам что нужно – деньги или моя голова?» – нашел в себе силы вымученно пошутить Дмитрий, услышав про эти три дня. «Ни то, ни другое, – последовал ленивый ответ. – Бабки у нас есть, жмурик нам тем более ни к чему. А только, браток, долги платить надо. Не отдашь вовремя – поставим сперва на счетчик, а потом, как водится, и на перо».

Конечно, чтобы отдать чудовищный проигрыш, Крестовский должен был продать все, что имел, – даже дешевенький перстень-печатку и липовые швейцарские часы, не говоря уже о квартире и машине, – и притом продать не за бесценок, а как можно дороже. Положение было отчаянное, но не безнадежное, и вот тут-то, осознав этот утешительный факт, он вдруг сообразил, откуда взялся такой несуразный срок – три дня. Ребятам просто нужна была его квартира, вот и весь секрет. Оттого-то они и поставили ему заведомо невыполнимые условия...

Выбирать особенно не приходилось, однако хладнокровная продуманность этого неприкрытого грабежа среди бела дня взбесила Крестовского. Воинственный дух предка-авантюриста вдруг взыграл в изнеженном благами цивилизации потомке, и Дмитрий решил: черта с два! Будь что будет, а квартиру он этим кидалам не отдаст. Кому угодно, только не им.

«Хорошо, – сказал он, стараясь сохранять спокойствие, – будь по-вашему. Три дня – значит, три дня. Говорите, куда привезти бабки».

Растерянное выражение, одновременно появившееся на лицах кидал, стало для Дмитрия достойной наградой за проявленное мужество и пусть небольшим, но все-таки утешением: как ни крути, а ему удалось разгадать их план и поставить охотников за чужими квартирами в тупик.

На самом-то деле утешение было слабое. Если не принимать во внимание фамильное упрямство, не становиться в позу и руководствоваться здравым смыслом, куда проще было бы прямо завтра с утра пойти к нотариусу и переоформить квартиру на одного из этих гавриков. Пускай бы подавились! Ему-то, Дмитрию, все равно выметаться на улицу. Как говорится, что пнем по сове, что совой об пень – сове все равно. Зато, поступив подобным образом, можно сэкономить массу времени, сил и нервов...

Но призрак лихого предка, Дмитрия Аполлоновича Крестовского, снова поднялся во весь рост перед его мысленным взором. Веселая галлюцинация пренебрежительно скривила губы и отрицательно покачала головой. Дмитрий-младший представил, как вот эти трое подонков будут пить водку из фамильного хрусталя рода Крестовских, сидя в его квартире, и, похатывая, вспоминать удачно обстрипанное дельце, и пошатнувшаяся было решимость лишить их хотя бы этого удовольствия вновь сделалась несокрушимой, как оружейная сталь.

К тому же Дмитрий, будучи опытным игроком и вообще человеком, с которым жизнь не особенно церемонилась, давно усвоил: никогда не надо торопиться. И тем более не надо торопиться отдавать деньги. Каждый день, каждая минута отсрочки чреватые самыми неожиданными сюрпризами. В конце-то концов, за отведенные ему на выплату карточного долга трое суток его кредиторы могли, например, разбиться в лепешку на автомобиле или сгореть по пьяному делу в своей прокуренной норе. Из каждой следующей секунды вырастает целый куст возможностей, и не стоит пренебрегать этим обстоятельством лишь потому, что тебе, видите ли, противно возиться с продажей квартиры... Нет уж, господа! Играли на деньги – вот и получите деньги. А если вам так нужна московская квартира, попробуйте сами ее купить. Даст бог, попадется вам какой-нибудь шустрый риелтор, у которого хватит ума и проворства оставить вас, сволочей, у разбитого корыта...

Идея по поводу того, где взять деньги, родилась сама собой. Был у него один знакомый... вернее, не столько знакомый, сколько партнер по игре, с которым ему раз-другой довелось посидеть за карточным столом. Дмитрий вовсе не был уверен, что при очередной встрече Александр Антонович его узнает; тем более не был он уверен в том, что господин Гронский захочет с ним говорить. Но, не откладывая дела в долгий ящик, он отыскал рабочий телефон Александра Антоновича, не без труда до него дозвонился и договорился о встрече в первой половине дня. В начале одиннадцатого Дмитрий Крестовский, одетый с иголочки, свежий и бодрый, покинул квартиру, владеть которой ему оставалось совсем недолго, завел свой десятилетний «рено» и, исполненный решимости, отправился навстречу своей незавидной судьбе.

Глава 4

– Мне кажется, я вас где-то уже видел, – сообщил задержанный Егоров. – Мы раньше не встречались?

Сказано это было легким, светским тоном, хотя голос у Егорова едва заметно дрожал: задержанный изо всех сил старался держаться как свободный человек, ставший жертвой досадного недоразумения, которое вот-вот разъяснится. Этому заметно мешали наручники, которыми рыжий диггер был пристегнут к руке дюжего сержанта милиции. Сержант, строевая дубина, полез под землю в той самой амуниции, в которой патрулировал улицы и подпирал стены в дежурке, так что теперь выглядел он далеко не лучшим образом: форменное кепи все в пыльной паутине и кирпичной крошке, на плече пятно грязи, колени в земле, и на левом – изрядная дыра. В левой, свободной от наручников руке сержант держал мощный фонарь; обе руки у него, таким образом, оказались заняты, и ничто не мешало задержанному при желании подобрать с пола обломок кирпича потяжелее и треснуть своего конвоира по кумполу.

Задержанный, впрочем, не собирался предпринимать никаких отчаянных шагов, тем более что со всех сторон его окружали другие участники следственного эксперимента, числом восемь, и бежать ему, да еще и прикованному, было некуда, а главное, незачем. Глеб Сиверов на его месте, наверное, все-таки попытался бы удрать, дабы не вводить ментов в искушение повесить на него парочку своих «глухарей», но задержанный Егоров был слеплен из другого теста и явно не хотел рисковать, полагаясь на справедливость российского уголовного законодательства и порядочность подполковника Ромашова.

В данный момент этот рыжий теленок хлопал глазами на Глеба, дожидаясь ответа на свой вопрос. Сиверов заметил, что Ромашов с любопытством ждет того же.

– Не думаю, – сказал Глеб безразлично и отвернулся.

Он солгал. Они с Егоровым встречались – давненько и мельком, но встречались. Человеческая память – хитрая штука. Наверху, при дневном свете, рыжий диггер его не узнал. Да и сам Сиверов далеко не сразу сообразил, откуда ему знакома эта конопатая физиономия с наивными бледно-голубыми глазами в обрамлении пушистых, красных, как новенькая медная проволока, ресниц. И только спустившись под землю и отшагав сырыми, провонявшими канализацией коридорами пару километров, вспомнил, как это было.

... У него тогда кончилось курево – когда именно и как давно, он не помнил, просто сигарет не было, и все. Он уже не первый час без цели и смысла брел через подземный лабиринт, время от времени слыша отдаленное громыхание поездов метро и обращая на него не больше внимания, чем шагающий тайгой охотник на шум верхового ветра в кронах лесных гигантов. Мысли путались – детали тщательно разработанных планов мести перемешались с обрывками воспоминаний и снов, и все это было окрашено в мрачные черно-багровые тона – цвета подступающего безумия. На ходу он вел бесконечный и беспорядочный разговор с призраками своего прошлого – с теми, кто давно умер, с теми, кто продолжал жить, и с теми, кто должен был умереть в ближайшее время. Приговор ему уже был вынесен, и десятки лучших охотников за людьми день и ночь искали его по всей огромной Москве – не для того, чтобы захватить, а для того, чтобы застрелить при первой удобной возможности, как бешеного пса.

Он шел, низко надвинув капюшон куртки, из-за которого местные диггеры, время от времени замечавшие вдалеке его бесшумно скользящую сквозь вечный мрак фигуру, прозвали его Черным Монахом. Неистребимое амбре сырой известки и сточных вод насквозь пропитало одежду и, казалось, даже кожу, пистолет тяжело и привычно оттягивал книзу карман. Рука в заскорузлой от грязной воды кожаной перчатке вяло приподнялась и машинально потерла заросший жесткой недельной щетиной подбородок. Неожиданно знакомое зловоние подземелья прорезала свежая, бодрящая, как утренний сквозняк, струя другого запаха. Ошибиться

было невозможно: пахло табачным дымом. Глебу вдруг до смерти захотелось курить, и он, не рассуждая, двинулся на запах, держа руку на рукоятке пистолета. Если это охотник, то, конечно, он не один. Под землей не принято бродить в одиночку, особенно когда выслеживаешь опасного зверя – бешеного пса по кличке Слепой. Ничего, ничего... Первая пуля – по фонарю, а потом, в темноте, бери их голыми руками и ешь с кашей. Одного надо будет оставить в живых – пускай передаст привет организаторам охоты...

Вскоре он увидел впереди отблеск рассеянного света, а повернув за угол, обнаружил и его источник – небольшой фонарик, притороченный к пластмассовой спелеологической каске. Каска лежала на полу, пристроенная с помощью обломка кирпича таким образом, чтобы луч фонаря бил под углом вверх. Владелец каски, молоденький парнишка с огненно-рыжей шевелюрой, действительно сидел на корточках, привалившись лопатками к корявому бетону стены, и курил, держа сигарету по-солдатски, огоньком в ладонь. Как ни странно, он был совсем один.

Глеб возник перед ним неожиданно и бесшумно, как призрак. Мальчишка дернулся, но остался сидеть, глядя на Слепого снизу вверх широко распахнутыми от вполне понятного испуга глазами в обрамлении пушистых рыжих ресниц.

– Черный Мо... – начал он, разглядев надвинутый капюшон, и тут же испуганно замолчал.

– Сигареткой не угостишь, земляк? – миролюбиво спросил Глеб, сам удивившись тому, как сишло и незнакомо прозвучал его голос. – Все курево вышло, а до дома далеко. И, что характерно, кругом ни одного табачного киоска!

– Да уж, – согласился рыжий диггер и протянул ему открытую пачку. – Прошу.

Глеб выковырял из пачки сигарету, закурил и, сам не зная, какой бес тянет его за язык, спросил:

– А ты, часом, не заблудился?

Парень отрицательно помотал рыжей головой.

– Люблю ходить один, – объявил он с вызовом, свидетельствующим о том, что ему не раз приходилось отстаивать перед окружающими свое право на маленький персональный бзик.

– Это опасно, – заметил Слепой и тут же, спохватившись, добавил: – Впрочем, дело твое. За сигарету спасибо. Будь здоров.

Уходя, он думал о том, что рыжего диггера, конечно же, следовало убрать. Он был опасным свидетелем; конечно, Черный Монах – всего лишь легенда, и рассказам о встречах с ним поверит едва ли один человек из сотни. Но история о том, как некий рыжий сопляк дал закурить самому Черному Монаху, может дойти до ушей охотников. А они умны и не привыкли лениться, когда речь идет о том, чтобы выполнить «горячий» приказ высокого лубянского начальства...

Диггера надо было убрать. Сделать это было проще простого, и никто бы особенно не удивился: рыжего дурака наверняка сто раз предупреждали, что рано или поздно он не вернется из очередной одиночной вылазки в катакомбы. Глеб оглянулся через плечо. Мальчишка уже не сидел, а стоял, хорошо различимый на фоне освещенной фонариком стены, и изо всех сил вглядывался в темноту, где скрылся таинственный Черный Монах. Он представлял собой завидную мишень; Глеб наполовину вытянул из кармана тяжелый «стечкин», а потом молча покачал головой и разжал пальцы. Пистолет беззвучно скользнул обратно в карман, Глеб повернулся к рыжему диггеру спиной и решительно зашагал прочь...

Таким этот мальчишка ему и запомнился: одинокая темная фигура на освещенном фоне, одетая в мешковатый прорезиненный комбинезон и высокие непромокаемые ботинки, туго перехваченные у лодыжек кожаными ремешками...

За годы, прошедшие с момента их единственной встречи, рыжий диггер почти не изменился. Да и Глеб, судя по тому, с какой легкостью был узнан, тоже сохранился неплохо. «Интересно, – подумал он, косясь на подполковника Ромашова, – что бы он сказал, узнав, что тот

опасный сумасшедший, за которым не так давно с риском для здоровья и жизни гонялись все силовики города-героя Москвы, в данный момент преспокойно шагает рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки? Вот взвился бы, наверное! А потом до самой пенсии рассказывал бы коллегам, что на Лубянке работают одни психи...»

Дело, которое привело Глеба в компанию неприязненно косившихся в его сторону милицейских чинов и рыжего задержанного, касалось некоей золотой сережки, изготовленной, по утверждениям экспертов, в Малой Азии и датируемой концом второго тысячелетия до нашей эры. Рыжий диггер по фамилии Егоров, если верить его словам, нашел ее где-то здесь, под землей, и не придумал ничего умнее, как отнести находку в антикварный магазин. Этот поступок, хотя и далеко не самый умный, вполне мог сойти ему с рук: опытный антиквар, с первого взгляда оценив не только стоимость серьги, но и не внушающую никаких опасений личность рыжего лопуха, который ее приволок, скорее всего, дал бы за нее чисто символическую цену, а потом радостно потирал бы руки – так долго и энергично, что, вполне возможно, добыл бы трением огонь. Но на беду рыжего Егорова, незадолго до его визита в антикварный магазин какие-то ловкачи обнесли квартиру коллекционера Степаниди. Было украдено много ценного, в том числе и антикварные золотые украшения, в связи с чем все московские антиквары были надлежащим образом обработаны орлами подполковника Ромашова.

Получив в свое распоряжение серьгу и без труда убедившись, что к разграбленной коллекции Степаниди она отношения не имеет, подполковник Ромашов – мент, судя по всему, добросовестный и обстоятельный – разослал фотографии своей добычи во все московские музеи на предмет выяснения, не пропало ли из их запасников что-либо похожее.

Музеи – те, что вообще посчитали нужным откликнуться, – ответили в том смысле, что ничего похожего из их коллекций не пропало; более того, ничего похожего в большинстве из них никогда и не было. Судя по этим ответам (Глеб их читал), отношение музейных работников к запросу подполковника Ромашова было скорее юмористическим, как будто тот пытался убедить их, серьезных людей, маститых ученых, в существовании, скажем, Змея Горыныча.

По счастью, среди этих корифеев духа совершенно случайно оказалась Ирина Андропова. Она как раз консультировала местное руководство по поводу живописного полотна, которое вскорости должно было украсить один из залов Исторического музея, когда туда пришел факс с Петровки.

Ирина Константиновна, в памяти которой еще была свежа недавняя история с троянским головным убором из золота, который какой-то проходимец не то предлагал, не то не предлагал коллекционеру Маевскому, не на шутку встревожилась. Что-то уж слишком много в Москве предметов, связанных с раскопками древней Трои! Она даже заподозрила, что кто-то готовит почву для грандиозной махинации, однако факс был подписан подполковником МУРа, который, в свою очередь, ссылался на мнение Петра Самсоновича Степаниди – человека, при всех его многочисленных недостатках, знающего и опытного.

Ирина позвонила генералу ФСБ Потапчуку, который к тому времени уже вернулся в Москву, и Глеб Сиверов не успел, что называется, лба перекрестить, как очутился в этом подземелье – в красном резиновом комбинезоне со светоотражающими нашивками, в пластмассовой каске и с фонарем, который ему не столько помогал, сколько мешал.

У пролома в кирпичной стене они ненадолго задержались: господа сыщики разглядели и фотографировали брошенную здесь кем-то кувалду – почти новую, если не считать нескольких пятнышек ржавчины, уже появившихся на увесистой чугунной головке. Рыжий Егоров тянул своего конвоира вперед, как рвущаяся с поводка охотничья собака, – видимо, ему хотелось поскорее привести всю компанию на место, доказать правдивость своих показаний и покончить с этой неприятной историей. Глеб шел за ним, гадая, хватит ли у подполковника Ромашова совести не пытаться повесить на этого клоуна еще и убийство. Он присмотрелся к Егорову. Тот выглядел взволнованным и явно с трудом держал себя в руках, но его, похоже,

еще не били. Значит, Ромашов на самом деле верит, что рыжий диггер не совершал ничего противозаконного – кроме, естественно, прогулок под землей, на которые московская милиция с некоторых пор смотрит довольно-таки косо...

Сводчатый коридор, в котором они очутились, по одному протиснувшись в пролом, был сверху донизу выложен кирпичом. Кирпич был красный, узкий, гладкий, отлично обожженный и превосходно сохранившийся – сразу видно, что старинный. Об этом же говорило и безупречное качество кладки.

– Умели же строить в старину! – завистливо протянул конвоир Егорова, обирая с оттопыренных ушей ключья пыльной паутины и разглядывая исчерченный затейливыми узорами копти свод. В ботинках у него хлюпало и чавкало – по дороге им пришлось переходить подземный ручей.

– Да уж, раствор в карманах со стройки не уносили, – согласился молодой опер, на шее у которого висел цифровой фотоаппарат в водонепроницаемом чехле.

Он остановился и сфотографировал оттиснутое на кирпиче четкое клеймо с фамилией фабриканта и датой: «1843».

– Не отвлекаться, – буркнул Ромашов и, подпернув рукав резиновой куртки от армейского комплекта химзащиты Л-1, посмотрел на часы.

Они шли подземными коридорами уже без малого два часа, продвигаясь не столько вперед, сколько вниз, – спускались в какие-то вертикальные шахты, протискивались в узкие колодцы, на животе сползали в неровные проломы, промоины, провалы, оставляя над собой многие метры изрытой тоннелями и коридорами почвы. Метро они перестали слышать уже давно; первое время один из оперативников Ромашова поминутно сверялся с какой-то картой – по всей видимости, схемой подземных коммуникаций Центра, – а потом бросил это бесполезное занятие, то ли окончательно запутавшись, то ли осознав наконец, что они углубились в области, не обозначенные ни на одной из существующих схем.

Глеб не нуждался в карте и компасе – он и без них хорошо представлял, где находится. Дорога получилась длинной и запутанной, но далеко они не ушли – прямо над ними шумел Центр, звенели куранты Спасской башни и светило яркое весеннее солнце. Если бы существовала возможность прямо отсюда пробуравить вверх вертикальную скважину, она вышла бы на поверхность где-то совсем недалеко от ограды Александровского сада. Они пробирались под старой частью города, исследуя лабиринт, о котором и полторы сотни лет назад знали очень немногие.

Желание выкурить сигарету сделалось труднопреодолимым, и, сосредоточившись на причине этой внезапно пробудившейся тяги к никотину, Глеб очень быстро ее установил. В коридоре скверно пахло. В общем-то, в старых подземельях, половина которых в то или иное время использовалась в качестве канализации, всегда стоит неприятный запах, но вонь, заполнявшая этот коридор, была иного сорта. Глеб хорошо знал этот запах, неизменно сопутствовавший смерти, и понял, что цель их путешествия близка. Это случилось раньше, чем рыжий Егоров произнес:

– Вон за тем поворотом.

Сказано это было так, что сразу становилось ясно: сам Егоров туда, за поворот, идти не намерен. Впрочем, его мнением никто не интересовался; сержант в испачканной униформе дернул наручник и, хлюпая ботинками, потащил слабо упирающегося диггера вперед – точь-в-точь как спешащий завершить утреннюю прогулку хозяин оттаскивает своего пуделя от столба, который тот вознамерился неторопливо, вдумчиво обнюхать.

Освещая коридор фонарями, остальные двинулись следом. Глеб подумал, что в этих местах уже очень давно люди не ходили такими толпами. Он заметил, что некоторые члены группы – в основном те, что помоложе, – морщат носы, а один из оперативников, похоже, из последних сил боролся с подступающей тошнотой. Запах разложения усиливался, и Глебу

опять подумалось, какое же это нелепое создание – человек. И при жизни от подавляющего большинства так называемых сапиенсов не видно особого толку, и после смерти от них остается одна вонь...

Как и обещал рыжий Егоров, источник зловония обнаружился сразу же, как только они повернули за угол коридора. Поза, в которой лежал покойник, ясно указывала на то, что смерть его не была легкой. У самого поворота, метрах в десяти от тела, на полу поблескивала тусклой медью россыпь стреляных гильз – шесть штук. Пока менты очерчивали каждую мелом и фотографировали с различных ракурсов, Глеб на глаз прикинул, что стреляли по крайней мере из двух пистолетов. Даже издали было видно, что гильзы различаются по размеру: три были, скорее всего, от старенькой «тэтэшки» и еще три – от куда более тяжелого и мощного оружия калибром никак не меньше одиннадцати миллиметров.

Совершая хладнокровное убийство, так не стреляют; даже люди, которыми владеет ярость, обычно подходят к своей жертве поближе, потому что пистолет – не винтовка и не автомат, скорострельность, точность и дальность боя у него невелики. А здесь палили с десяти метров, нажимая на спусковой крючок до тех пор, пока жертва не упала на земляной пол и не затихла, мучительно скорчившись и подтянув колени к разорванному пулями животу.

Глеб получил подтверждение своей догадки, разглядев в руке убитого пистолет – современный девятимиллиметровый «вальтер». Теперь все стало ясно: увидев, что противник вооружен, убийцы испугались и открыли огонь на опережение, возмещая недостаток меткости избыточной плотностью огня. Впрочем, вполне возможно, что убийца был один и стрелял с двух рук...

Один из оперативников, старательно сдерживая дыхание, присел над уже сфотографированным трупом и осторожно за ствол поднял слегка тронутый ржавчиной пистолет.

– Ба! – воскликнул он. – Да это ж пневматика!

Глеб поднял брови. Хорошенькое оружие против двух нарезных стволов! Из такого хорошо по воробьям стрелять. А в подземелье – по крысам...

– Ну, – обращаясь к Егорову, недовольно произнес подполковник Ромашов, – и где она лежала, эта твоя сережка?

– Да прямо у него в ладони, – ответил рыжий диггер, – в левой.

– Покажи, – потребовал Ромашов, решивший, по всей видимости, до конца соблюсти правила проведения следственного эксперимента.

– Что показать? – слабо заупрямился Рыжий.

– Как подошел, как заметил, как взял... Давай действуй!

Задержанный Егоров протяжно вздохнул и принялся показывать.

– Ну, вот так я подошел, – говорил он, буксируя за собой продолжающего хлюпать промокшими ботинками сержанта, – вот тут остановился. Испугался, хотел уйти... Потом увидел – что-то блестит. Гляжу – сережка. Золотая, крупная... А мне на запчасти для мотоцикла не хватает, «хонду» свою я хотел подновить... Ну, наклонился... А нагибаться обязательно? Запах... Тогда так не воняло.

– Давай, давай, – опередив Ромашова, сказал ему сержант. – «Запах»... Будешь знать, как мародерствовать!

Егоров нехотя наклонился и вдруг, издав сдавленный горловой звук, резко отвернулся от трупа. Его завтрак с плеском вырвался на свободу, и в царившем вблизи разлагающегося тела зловонии появился новый компонент.

– Отведи его в сторонку, – скомандовал сержанту Ромашов, – а то он нам все улики заблюет. Все ясно, – добавил он, ни к кому не обращаясь. – Готовый «висяк»!

Глеб снова подумал, что рыжему диггеру крупно не повезло. Наспех сшить белыми нитками уголовное дело, повесить труп на этого беднягу Егорова куда легче и спокойнее, чем тра-

тить время и силы на бесплодные попытки отыскать настоящего преступника, которого давно и след простыл.

Пока Сиверов предавался этим грустным размышлениям, труп обыскали. Помимо часов и перстня, таких откровенно дешевых, что на них не польстился даже мечтающий о новеньком мотоцикле рыжий диггер, на теле обнаружился бумажник – без денег, если не считать какой-то мелочи, но зато с водительским удостоверением и документами на машину – десятилетний «рено».

– Крестовский Дмитрий Петрович, – прочел Ромашов, держа удостоверение на отлете, словно боялся испачкаться, и светя на него фонариком.

– Ну вот, – сказал ему Глеб, – а ты говоришь: «висяк». Личность убитого установлена, а это уже полдела.

– Ага, – саркастически согласился подполковник. – Знать бы еще, где взять вторую половину!

* * *

Когда в кабинет Александра Антоновича Гронского вошел человек, которому в скором времени предстояло стать покойником, хозяин неторопливо попивал кофе из прозрачной, очень изящной фарфоровой чашечки с золотым ободком. Он сидел боком к письменному столу, забросив ногу на ногу и держа чашку на весу, и сквозь матерчатые ленты вертикальных жалюзи любовался открывающимся из окна видом на Москву-реку. В реке отражалось хмурое весеннее небо, вода цветом напоминала окислившийся свинец; по испятнанной островками нерастаявшего грязного снега набережной сновали замызганные автомобили, выстраиваясь в длинные, даже издали наводящие тоску очереди у светофоров.

Александр Антоновичу было сорок пять лет. Он был высок – без малого два метра – и отличался подтянутым, спортивным телосложением. Темно-серый деловой костюм сидел на нем как на манекене, приятное, умное лицо и крепкую жилистую шею покрывал ровный искусственный загар, который контрастировал с безупречной белизной рубашки. Несмотря на свое высокое общественное положение, – он был президентом крупного столичного банка – среди своих знакомых, друзей и даже подчиненных Гронский пользовался уважением, почти любовью. Происходило это в основном благодаря его манере широко, открыто и радостно улыбаться каждому, с кем ему доводилось встречаться; даже мимолетный кивок в ответ на чье-нибудь приветствие всегда сопровождался у него этой белозубой, в высшей степени дружелюбной и располагающей улыбкой. Разумеется, одной улыбкой было мало; еще одним китом, что подпирает спиной популярность Александра Антоновича, было мастерское умение незаметно, без скандалов, судебных процессов и прочего ненужного шума удалять от себя людей, которых его улыбка и дружеская манера общения по тем или иным причинам уже не могли обмануть. Вообще, в арсенале Гронского числилась уйма способов, с помощью которых он мог заставить окружающих плясать под свою дудку и, самое главное, быть очень этим довольными.

Просторный кабинет с громадным, во всю стену, окном из поляризованного стекла был обставлен со сдержанной роскошью, соответствовавшей характеру и положению хозяина. Позади письменного стола, над креслом, – словом, там, где в чиновничьих кабинетах обыкновенно висит портрет президента, а в офисах успешных бизнесменов красуется какая-нибудь купленная за бешеные деньги абстрактная мазня, – висели электрические часы. Они были нарочито простыми, а главное – очень крупными, так что разглядеть циферблат и стрелки во всех подробностях мог даже человек с очень слабым зрением. А по громким, отчетливым щелчкам, с которыми черная секундная стрелка перескакивала от деления к делению, всякий должен был понять, что попал в место, где привыкли дорожить каждым мгновением. Часы были напоминанием о том, сколько стоит время Александра Антоновича. «Время – деньги» –

таков девиз любого банкира, и Гронский не был исключением из общего правила. Его радушная улыбка в сочетании с недвусмысленным шелканьем отсчитывающих секунды часов, как правило, помогала посетителям собраться с мыслями, настроиться на спокойный, деловой, конструктивный лад и коротко, сжато и исчерпывающе изложить свое дело, не отвлекаясь на пустопорожнюю болтовню.

Дверь открылась, и Гронский без сожаления прервал созерцание гранитной набережной, вместе с креслом развернулся к столу, поставил чашку на блюдце, а блюдце на стол и поднялся навстречу вошедшему, привычно включив свою неотразимую голливудскую улыбку.

Строго говоря, посетитель вовсе не стоил того, чтобы такой человек, как Александр Антонович Гронский, при виде его отрывал от кресла свой зад. Прозвучавшая во время телефонного разговора ссыла на их давнее знакомство показалась Гронскому сомнительной: имя звонившего ровным счетом ничего ему не сказало. Теперь, однако, он вспомнил этого молодого прощельгу без определенных занятий, с дорогостоящими привычками и замашками выскочки. Человечишка он был никчемный, не представляющий ни малейшего интереса с деловой точки зрения, и Александр Антонович, продолжая улыбаться, приготовился вежливо и быстро выставить его за дверь.

Пожав Крестовскому руку и указав на кресло для посетителей, Гронский уселся сам.

– Как поживаете? Все еще играете в преферанс у Бородича? – с улыбкой осведомился он, давая посетителю понять, что прекрасно его помнит.

Крестовский выдавил из себя подобие ответной улыбки. Он старался держаться молодцом, но опытный глаз банкира безошибочно улавливал в каждом его движении признаки сильного внутреннего волнения. Несомненно, Крестовский явился сюда не просто так, поболтать (да и с чего бы это вдруг?), а по какому-то важному, с его точки зрения, делу. Волнуется, мнется – значит, пришел с просьбой. А что, кроме денег, можно просить у банкира?..

– Иногда, – ответил Крестовский на вопрос о преферансе.

– Понимаю, понимаю, – сказал Гронский. – То некогда, то недосуг... У меня вот тоже, представьте, ни минуты свободного времени!

При этих словах Крестовский машинально посмотрел на висящие за спиной у хозяина кабинета часы, из чего следовало, что намек им понят.

– У меня к вам просьба, – ободренный лучезарной улыбкой Александра Антоновича, напрямик заявил он.

– Кто бы мог подумать, – с шутливым оттенком изумился Гронский, ощупывая цепким, внимательным взглядом тощую папку, которую мял в руках посетитель.

– Мне срочно нужны деньги, – сообщил Крестовский.

Ничего особенно свежего и оригинального это сообщение не содержало, но оно заставило Гронского на секунду задуматься. Перед ним сидел заядлый картежник, игрок, а значит, человек, не заслуживающий финансового доверия. Таким, когда войдут в азарт, плевать на любые обязательства – эти типы вечно уверены, что вот-вот сорвут громадный банк. И уверенность эта кончается у них только вместе с деньгами...

– Проигрались?

Вопрос прозвучал небрежно и даже шутливо, но никакими шутками тут и не пахло: Гронский проверял собеседника, намереваясь выставить его из кабинета, как только тот попытается солгать.

Но Крестовский лишь виновато кивнул в ответ – ни дать ни взять первоклассник, в дневнике которого родители обнаружили первую в его жизни единицу.

– Хотите отыграться? – спросил он.

На этот раз улыбка Крестовского, хотя и по-прежнему бледная, казалась искренней.

– Можно подумать, если я скажу «да», вы дадите мне денег, – грустно произнес он.

– Совершенно верно, не дам. Знаете, как говорят: не за то отец бил, что играл, а за то, что отыгрывался... И много проиграли?

Крестовский помедлил с ответом – похоже, собирался с духом перед тем, как назвать сумму.

– Сто двадцать четыре тысячи, – сказал он наконец.

– Долларов?! – ужаснулся Гронский.

– Ну, не рублей же, – последовал ответ.

Этот болван еще и иронизировал.

– Конечно, не рублей. Просто некоторые теперь считают в евро, – не остался в долгу Александр Антонович. – Да, сумма солидная. С вашими талантами вам столько не отыграть... А срок?

– Три дня. Считая со вчерашнего вечера.

Гронский покачал головой.

– И на что, собственно, вы рассчитываете? Неужели только на наше знакомство? Вы должны понимать...

– Я понимаю, – быстро перебил его Крестовский. – Если бы вы давали каждому своему знакомому по сто тысяч долларов под честное слово, то давно пошли бы по миру.

– Совершенно верно, – с оттенком заинтересованности согласился Александр Антонович. – И?..

– Вы же принимаете в качестве обеспечения недвижимость, правда? Вот документы на мою квартиру.

– Ага, – сказал Гронский и принял из рук Дмитрия извлеченные им из папки документы.

– Есть еще машина, – сказал Крестовский, протягивая техпаспорт.

Александр Антонович мельком взглянул на прямоугольничек запаянного в прозрачный пластик картона и вернулся к изучению документов на квартиру.

– Десятилетняя «французенка» даже процентов не покроет, – заметил он, не поднимая головы.

Крестовский в ответ только вздохнул – это, судя по всему, он знал и сам. Гронский изучал документы, и чем дольше он этим занимался, тем интереснее ему становилось.

– Недурно, – сказал он наконец. – Весьма недурно! Три комнаты в центре, солидная площадь, удобная планировка... Какой, вы говорите, этаж?

– Третий, – грустно сказал Крестовский.

– Весьма недурно! – с воодушевлением повторил Александр Антонович. – Недвижимость в центре дорожает день ото дня, так что подобное обеспечение, несомненно, заслуживает доверия... А вам не жалко?..

Крестовский передернул плечами и криво улыбнулся.

– А вы как думаете? Только это ничего не меняет. Таких денег у меня нет.

Гронский незаметно покосился на часы – не на те, что висели у него за спиной, а на настольные, вмонтированные в сложный, громоздкий и многофункциональный телефонный аппарат. Время у него еще было, а разговор становился все интереснее. Вернее, интересен был не сам разговор, а внезапно проснувшееся в нем охотничье чутье, которое подсказывало, что из этого дела можно извлечь очень солидную прибыль.

– Да, не повезло вам, – участливо сказал он. – А что за люди?.. Рассказывайте, не стесняйтесь! Банкир – тот же врач. Оба не имеют права на ошибку, потому что ошибка обоих может привести к летальному исходу. Итак?..

Крестовский немного поколебался, а потом, крикнув, рассказал все как было, без утайки. Выслушав его, Александр Антонович укоризненно покачал головой.

– Что же вы так неосторожно? Да-а... Впрочем, я и сам мог бы догадаться. Три дня на выплату такой суммы – это о многом говорит. Я так понимаю, что им нужна ваша квартира.

– Я тоже так понимаю, – уныло признался Крестовский. – По мне так лучше уж ее сжечь, чем отдавать этим... кидалам.

– Жечь не надо, – сказал Гронский, – а в остальном я с вами согласен. Такие вещи нельзя поощрять, всегда нужно искать способ хотя бы частично поквитаться... А вам не приходило в голову, что им это может не понравиться?

Крестовский в ответ только развел руками.

– Понимаю, – сказал Александр Антонович. – Ну что же... В финансовых делах я скидок не делаю – бизнес есть бизнес, сами понимаете. Но в остальном... В общем, я вам немного помогу по знакомству. Пошлю с вами своих ребят, пускай, так сказать, проконтролируют процесс, чтобы обошлось без ненужных эксцессов.

– Спасибо, – с чувством произнес Крестовский.

– Благодарить будете, когда все закончится более или менее благополучно, – слегка осадил его Александр Антонович. – Что ж, давайте перейдем к делу. Вам ведь, насколько я понимаю, нужны наличные? Тут есть одна небольшая загвоздка. В последние дни мы выдали сразу несколько очень крупных кредитов, так что с наличными у нас, что называется, напряженка. Честно говоря, в хранилище хоть шаром покати, представляете? И за пару дней я вам такую сумму не соберу при всем моем горячем желании... Да не пугайтесь вы так! – воскликнул он, заметив, как вытянулось у Крестовского лицо. – Я же вам не отказываю, а просто объясняю, что в данный момент банк не располагает такой суммой наличности...

– Честно говоря, не понимаю разницы, – заметил Крестовский.

– Сейчас поймете, – пообещал банкир, замаскировав содержащуюся в этом обещании угрозу своей яркой, как вспышка магния, улыбкой. – Банк такой суммой не располагает, зато я... Догадались? Правильно, я располагаю!

Крестовский перевел дыхание. Он был уже готов – в самый раз подавать на стол.

– Таким образом, – ласково улыбаясь, продолжал Александр Антонович, – речь у нас с вами пойдет не о банковском кредите, а о самой обыкновенной даче взаймы – разумеется, под проценты и с полным юридическим оформлением. Вот тут как раз и исчезает разница, о которой вы говорили. Вам ведь совершенно безразлично, у кого брать деньги, правда? Просто, если вовремя не отдадите долг, квартира ваша отойдет не банку, а мне лично... Надеюсь, вы не возражаете?

– Я не возражаю, – сказал Крестовский. – А вам что же, жить негде?

Гронский расхохотался так весело, словно услышал бог весть какую шутку.

– Ценю ваше чувство юмора, – заявил он, утирая тыльной стороной ладони заслезившиеся от смеха глаза. – А чувство юмора, проявляемое в сложной ситуации, ценно вдвойне. Нет, крыша над головой у меня имеется, и, смею вас уверить, неплохая. Просто ваша квартира – это капитал, который растет не по дням, а по часам. Кстати, если до этого дойдет, я даже разрешу вам пожить там за умеренную плату – до тех пор, пока не подыщете другое жилье или пока я не решу превратить ее в деньги.

– Спасибо, – повторил Крестовский.

– Но я все-таки надеюсь, что до этого не дойдет, – сказал Александр Антонович. – Вы мне глубоко симпатичны; как человек, не чуждый азарта, я вам от всей души сочувствую и желаю вам добра даже в ущерб собственным финансовым интересам. Было бы просто чудесно заполучить вашу квартиру, но я действительно надеюсь, что вы соберете эти деньги и вернете долг – как положено, своевременно и с процентами...

Крестовский наконец-то обратил внимание на неоднократное упоминание о процентах и сроке.

– Каковы ваши условия? – спросил он.

– Десять процентов, – улыбаясь во весь рот, сообщил Гронский. – Вернете через месяц, считая с сегодняшнего... ну хорошо, с завтрашнего дня.

– Сколько? – задохнулся Крестовский. – Когда?!

– Десять процентов. Через месяц, – демонстрируя скрытую от посторонних взглядов сторону своей натуры, благодаря которой получил право называться «серьезным человеком», без улыбки повторил Александр Антонович. – Это будет... – Он небрежно выбил кончиками пальцев короткую дробь по кнопкам калькулятора. – Сто тридцать шесть тысяч четыреста долларов, как одна копейка.

– Это грабеж, – тихо сказал Крестовский.

– Разумеется, – не без яду согласился банкир. – Это я пришел к вам домой, приставил нож к горлу и потребовал взять у меня займы сто двадцать тысяч. Я вас не неволю, Дмитрий Петрович. Можете принять мои условия, а можете послать меня к черту и уйти. Честно говоря, не представляю, куда вы пойдете, но это, в сущности, не мое дело.

– Простите, – убитым голосом пробормотал Крестовский. – Я... Это просто от неожиданности.

В кабинете наступила тишина, нарушаемая только отчетливыми щелчками отмеряющих секунды настенных часов.

– Бизнес есть бизнес, – первым нарушил молчание Гронский. – Так что же, Дмитрий Петрович, будем оформлять бумаги?

– Да, – сказал Дмитрий.

Ему подумалось, что теперь-то он, как никто, знает, насколько серьезным человеком является его давнишний партнер по преферансу. Это было очередное заблуждение: Дмитрию Крестовскому еще только предстояло познать и оценить глубину «серьезности» господина Гронского.

Глава 5

Замусоренная и замызганная однокомнатная хрущевка на втором этаже пятиэтажного дома, стоявшего на окраине подмосковного Наро-Фоминска, была полна табачного дыма, который слоями плавал вокруг голой, засиженной мухами лампочки, освещавшей эту сдаваемую внаем берлогу. Кроме дыма, здесь пахло несвежими мужскими носками, подгоревшей пищей, резким водочным перегаром и сырым луком.

Грязное окно единственной комнаты было до половины закрыто пожелтевшими от старости газетами, прикрепленными к бугристой от напластований масляной краски раме ржавыми канцелярскими кнопками. К окну был придвинут шаткий раскладной стол-книга, полированную крышку которого покрывали царапины, сколы, подпалины от сигарет и бледные кольца отставшего лака – следы донышек бесчисленных бутылок и стаканов.

В данный момент здесь тоже стояла бутылка водки, окруженная почетным, хотя и несколько беспорядочным, караулом из трех граненых стаканов. Ее пустая товарка скучала под столом; на подоконнике ровной шеренгой выстроились еще четыре бутылки, наполненные прозрачной «божьей слезой». Разложенная на газете закуска не отличалась изысканностью: покромсанный толстыми кривыми ломтями батон вареной колбасы, сало, банка кильки в томатном соусе, сырой репчатый лук дольками и черный хлеб. Пустая шпротная жестянка была полна смятых окурков, рядом лежал складной пружинный нож с узким, испачканным томатной подливой лезвием – единственный предмет на всем столе, который, пусть и с большой натяжкой, можно было отнести к столовым приборам.

За столом сидели трое. Отопление еще работало, в крошечной квартире было жарко, и разгоряченные водкой собутыльники частично разделись: один остался в растянутой нательной майке, цветом напоминавшей старые газеты на окне, двое других обнажились до пояса. Того, что был в майке, отличала нездоровая худоба, а корявая синеватая вязь татуировок очень доходчиво объясняла, откуда взялось столь характерное телосложение. Его гладко выбритое лицо было изрыто оспинами и имело нездоровый сероватый цвет, в ежике коротких, остриженных под машинку волос поблескивала ранняя седина. Он непрерывно курил, не забывая время от времени дотрагиваться до стоявшего под столом мятого полиэтиленового пакета, словно проверял, на месте ли тот.

Мускулистый атлет с уже наметившимся животиком и мужественным, но тупым как бревно лицом также носил на левой стороне груди отличительный знак человека, уже успевшего познакомиться с казенным гостеприимством российского ГУИН, – татуировку, которая изображала скорбящую Деву Марию. Стараниями татуировщика Богородица была похожа на торговку пирожками с Черкизовского рынка, которая накануне крепко выпила и подралась с сожителем.

Третий был постарше, лет сорока или около того. Татуировок он не носил и вообще производил впечатление человека, старающегося иметь как можно меньше особых примет. Плечи у него были покатые, мускулатура дряблая, грудь и предплечья заросли густым рыжеватым волосом. Разговаривая, выпивая и закусывая, он непрерывно тасовал колоду карт, выделявая с ней совершенно немислимые вещи, – тренировал пальцы, которые его кормили.

Настроение у всех троих было подавленное и мрачное. В пакете под столом лежало сто двадцать четыре тысячи долларов, но именно этот факт, сам по себе радостный, и повергал компаньонов в уныние.

– Да, умыл нас фраерок, – мрачно просипел человек в майке, поджигая новую сигарету. – И где он, падло, столько бабок нарыл?

– Где-то нарыл, – философски заметил атлет, с треском отворачивая пробку. Он с небрежной точностью, свидетельствовавшей об огромном опыте, разлил водку по стаканам и убрал пустую бутылку под стол. – Что умыл, то умыл. Прогадили мы дело, пацаны.

– Не мы, а вы, – уточнил катала, продолжая творить чудеса с колодой. – Я свою работу выполнил. А вы... Надо было так и говорить: играем, мол, на квартиру, и дело с концом. А вас потянуло в конспирацию играть. Вот и законспирировались! Так всегда и бывает, когда бараны вроде вас начинают умничать, – назидательно заключил он.

– Хлебрезку захлопни, – посоветовал ему человек в майке. – Мы бараны, а ты кто? «На квартиру играем»... Ты где такие ставки видал? Это тебе не казино. Вот так с ходу собственную хату на кон поставить – да на это ни один лох не согласится! Сам же бакланил: разувать будем постепенно... А теперь что – в кусты? Хрен ты угадал, голубок! На дело подписывались втроем, втроем и ответим. Заказ, между прочим, ты принимал. Помнишь, что клиенту говорил?

Катала скроил пренебрежительную мину, но промолчал: он действительно помнил, как уверял заказчика, жирного крикливого кавказца, пожелавшего за бесценок приобрести квартиру в центре Москвы, что тот нашел именно тех людей, которые могут решить его проблемы. Сто двадцать четыре тысячи были кавказцу нужны как мертвому припарка – так он, по крайней мере, утверждал. Он хотел квартиру, и притом не какую попало, а именно эту, – отыскав подходящего лоха, партнеры свозили клиента на место, показали ему дом, и кавказец воспылал к своему будущему жилью горячей любовью. Купить квартиру по-человечески, за нормальные деньги, он почему-то не хотел. Да оно и понятно: катале и его партнерам он обещал по десять тысяч на брата, то есть тридцать на круг. А кто теперь продаст приличную квартиру в Москве за эти гроши?

– Да ладно тебе, Муса, – примирительно пробасил атлет, беря стакан на изготовку. – Что делать-то будем? Может, отдадим этому черному бабки? Пускай сам себе хату ищет...

– Он-то найдет, – зло проговорил худой Муса и залпом, ни с кем не чокаясь, выплеснул водку в широко распахнутый беззубый рот. – С такими бабками да не найти!.. – продолжал он слегка перехваченным голосом, отправляя следом за водкой ломтик сала. – А вот мы останемся с голой ж... на морозе. Скажет, что заказ не выполнили, и дело с концом. По понятиям-то он в своем праве! Заказывал он что? Хату! А мы ему вместо хаты мешок капусты притаранили...

– Да, обул нас фраерок, – повторил атлет и вздохнул так, что табачный дым под лампочкой испуганно всколыхнулся. – Вот тебе и лох! Это, помню, работал я охранником у одного в офисе... Так ему на день рождения удава подарили. Тоже, мать их, придумали подарок. Нагло таетса мышей и спит неделями в своем аквариуме – ну, шланг и шланг, только пятнистый.

Он выпил водку, закусил колбасой и луком и, с хрустом жуя, потянулся за новой бутылкой. Худой уголовник по кличке Муса смотрел на него исподлобья с выражением угрюмого, нетерпеливого ожидания на изрытом оспинами костистом лице. Катала тоже выпил и, не прерывая своих экзерсисов с картами, со скучающим видом скользил глазами по строчкам прикрепленной к окну позапрошлогодней «Комсомолки».

– Короче, поехал этот мужик в зоомагазин за мышами, – продолжал атлет, разливая водку. – Удав у него молодой был, парочки мышей ему на неделю хватало, а если крыса попадется, так и одной обходился. Ну, приезжает этот перец в магазин, а мышей-то и нету! Кончились мыши, понял? Ему говорят: купи хомяка, он типа жирнее, надолго хватит. Ага... Ну, чего делать? Удав-то вот-вот проснется, ему жрать надо! Взял он, короче, этого хомяка – взрослый хомяк попался, крупный, жирный, – притаранил к себе в офис – удав у него в офисе жил, посетителей пугал, – посадил к удаву в аквариум и доволен: ну, типа теперь этот шланг так нахавется, что недели две без просыпу дрыхнуть будет.

Он небрежно отсалютовал собутыльникам стаканом, выпил, занюхал водку хлебной коркой и продолжил:

– Короче, посадил он этого хомяка в аквариум и покатил свои точки объезжать – торговал он чем-то, не знаю. Вечером вернулся, поднялся к себе. У него офис на втором этаже, а я, охрана значит, на первом, в вестибюле торчу. Ну, и слышу я вдруг сверху мат-перемат, да такой, какого и на зоне не слыхал. Орет – понял? – как будто его там тупым ножом режут. Ну, я туда. Вбегаю в офис – что за дела? Аквариум вдребезги, хозяин на карачках по кабинету ползает, под мебель заглядывает, и ни удава, ни хомяка. Нашел он этого своего удава, а он весь покусанный, как будто его стая собак грызла. Хомяк, короче, боевой попался, рыло ему начистил и слинял в неизвестном направлении...

– Ну, и к чему эта шняга? – с нескрываемым раздражением спросил Муса, когда рассказчик умолк и снял с подоконника очередную бутылку.

– А к тому, – с вызовом ответил атлет, – что мы сейчас как тот удав. Развели лоха на пальцах, а он нам подлянку кинул... Вот теперь сиди и думай, что с этой капустой делать!

– А тут и думать нечего, – внезапно вступил в разговор катала, оторвавшись от изучения старых газет. – С каких это пор ты, Бройлер, перестал знать, что делать с зеленью?

Головы собутыльников одновременно повернулись к нему.

– Кидалово? – осторожно, будто пробуя это слово на вкус, спросил Муса.

– А что, есть другие варианты? – пренебрежительно поинтересовался катала. – Что вы тут устроили поминки? Деньги они клиенту отдадут, без гонорара останутся... Слушать противно! Мастями разукрасились, а сами нюни распустили, как чушки...

– Масти не трожь, – с угрозой произнес Муса.

Катала небрежно отмахнулся от него, как от надоедливой мухи.

– Сто двадцать четыре на троих – это по сорок с гаком косарей на нос, – продолжил он. – То есть каждому выходит больше, чем этот усатый гамадрил нам на всех предлагал. О чем тут думать, я вас спрашиваю? И хрен он нас потом найдет. Да он и искать-то не станет – какой ему смысл? Мы у него ничего не взяли, и кто он такой, чтоб я перед ним отчитывался?

Муса хмыкнул и с некоторым сомнением покрутил головой, а на тупом и мужественном лице атлета по кличке Бройлер медленно проступило выражение восторга: мысль о том, чтобы просто присвоить отнятые у лоха деньги, до сих пор не приходила ему в голову.

– Круто, – с уважением произнес он. – Ну, ты голова!

– Круто-то круто, – с прежним сомнением проскрипел Муса, – но по понятиям...

– Да пошел ты!.. – непочтительно и раздраженно перебил его катала. – Мы не на зоне, это раз. Что ты все время тычешь мне в нос свои понятия? Что, понятия запрещают лохов разводиться? Так и скажи, что боишься, а то – понятия!

Муса вскочил, с грохотом отшвырнув табурет. Атлет Бройлер опасно подался назад: пусть разбираются сами. Карты пестрым веером рассыпались по столу, а в руке у каталы вместо колоды как-то незаметно очутился испачканный соусом из-под кильки нож.

– Куча бабок, – спокойно сказал он нерешительно замершему при виде ножа Мусе. – Прямо-таки гора. И ни ментов, ни шухера, ни стража – ничего. Чистая прибыль! Так давай теперь мы над этой кучей бабла глотки друг другу перегрызем, чтоб никому не досталось.

– В натуре, Муса, – подал голос атлет, – чего ты в бутылку лезешь? При чем тут в натуре понятия?

– В натуре кум в прокуратуре, – не поворачивая головы, ответил Муса.

Он еще немного постоял, с шумом дыша через нос, а потом его костлявая, угловатая фигура обмякла, расслабилась. Не глядя, ногой нащупав позади себя опрокинувшийся табурет, Муса подтащил его поближе, поставил и уселся.

– Ладно, – сказал он, – замнем. Твоя правда, фокусник. Делим бабки и валим отсюда. Только надо проверить – а вдруг фальшивые?

– Вот это дело, – одобрительно произнес катала. Мир был восстановлен, но, хорошо зная подельника, он положил нож рядом со своей правой рукой. – На месте мы, конечно, посмотрели, но как следует приглядеться я лично не успел.

– Успеешь тут, – поддакнул Бройлер. – Наш лошок таких амбалов с собой привел, что мама, не горюй! Я уже думал, сейчас мочилово начнется...

– А ты не думай, – пренебрежительно просипел Муса, шаря рукой под столом, – тебе это вредно. Будешь много думать – мышечная масса уменьшится.

– Как у тебя, – поддел его обиженный Бройлер.

– Как у меня, – согласился Муса и вынул из-под стола мятый полиэтиленовый пакет с логотипом какого-то продовольственного супермаркета.

Бройлер суетливо и шумно расчистил место на столе, и худой уголовник водрузил на него извлеченный из пакета плоский серебристый кейс. Щелкнув никелированными замочками, Муса откинул крышку и развернул кейс к катале, молчаливо признавая его превосходство во всем, что касалось ловкости рук и подлинности денежных знаков.

Катала сунул в импровизированную пепельницу окурков, наугад выбрал из кейса обандероленную пачку сто долларовых купюр, провел подушечкой большого пальца по срезу, проверяя, не кукла ли это, и, вытянув из пачки одну бумажку, принялся мять ее в руках и придирчиво разглядывать то на свет, то под углом, то снова на свет.

Бройлер, не устояв перед искушением, тоже взял из кейса одну пачку – не потому, что это было необходимо, а просто ради удовольствия подержать в руках часть своей доли – и стал повторять манипуляции каталы, до смешного напоминая большую голую обезьяну, подражающую поведению хозяина. Муса дал ему по рукам, отобрал пачку и бросил обратно в кейс.

– Порядок, – заявил катала и на всякий случай взял из кейса еще одну пачку.

– Вот уроды эти американцы, – проворчал Бройлер, издали разглядывая непривычные розоватые разводы на купюрах. – Была зелень, а теперь хрень какая-то серо-буро-малиновая...

Муса хотел что-то ответить, но в это время со стороны прихожей донеслось шепелявое тархтенье дверного звонка – древнего, как все в этой квартире, и такого же, как все остальное (за исключением электросчетчика, разумеется), неисправного.

Подельники замерли в странных позах, словно их застигли врасплох на месте преступления.

– Это еще кто? – вполголоса удивился Бройлер. – У нас все дома...

– Пойди проверь, – так же тихо скомандовал Муса. – Шпалер возьми, только не отсвечивай.

Бройлер кивнул, беззвучно поднялся с табурета и, порывшись в грудке беспорядочно сваленной на рассыпающемся от старости диване одежды, извлек оттуда обшарпанный «ТТ». Когда он, пряча пистолет за спиной, скрылся в крохотной прихожей, катала, спохватившись, бросил деньги в кейс, опустил крышку и убрал кейс под стол. Его правая ладонь осторожно легла на рукоятку ножа.

В два не слишком широких шага преодолев расстояние, отделявшее его от входной двери, Бройлер приник к глазку. Стоял он при этом так, чтобы не оказаться на линии огня, если поздние гости вздумают стрелять прямо через дверь.

Но стрелять в него никто не собирался. За дверью стояла какая-то телка – молодая и вполне аппетитная, хотя и намазанная, как дешевая проститутка. Покуда Бройлер ее разглядывал, девице, судя по всему, наскучило стоять под дверью, и она снова потянулась к звонку.

– Тебе чего? – спросил Бройлер из-за двери.

– Чего-чего, – сердито передразнила эта размалеванная коза. – Вы мне весь потолок залили, вот чего!

– У нас не течет, – заявил Бройлер, вовсе не будучи уверенным в том, что это заявление соответствует действительности. – Давай вали отсюда.

– Я тебе повалю! – высоким истеричным голосом парировала соседка. – Месяц назад ремонт сделала! Устроили тут притон, житья от вас нету! Вот я сейчас милицию вызову, пускай у вас регистрацию проверят!

Бройлер поморщился. Милиция, проверка регистрации и вообще шум был совсем ни к чему. А чертова девка и так уже вопила на весь подъезд, и было понятно, что это еще не предел.

– Тихо, тихо, не ори, – примирительно сказал он сквозь дверь. – Сейчас посмотрю, что там у тебя течет...

– Знаю я, как вы посмотрите! – не сдавалась соседка. – Открывай, я сама посмотрю! Каждый месяц заливают. Посмотри он... Открывай!

– Сама напросилась, сучка, – чуть слышно пробормотал Бройлер и отпер замок.

Катала и Муса, внимавшие этому диалогу сидя за столом, слышали щелчок замка и скрип дверных петель. Затем в прихожей раздался странный звук, напоминавший негромкий хлопок в ладоши. Сидевшие за накрытым столом подельники даже не успели удивиться, потому что вслед за хлопком в прихожей раздался короткий, моментально оборвавшийся и перешедший в сдавленное мычание женский визг, а сразу за ним – глухой шум падения.

В комнате появилась девица – молодая, смазливая, с недурной фигуркой, одетая и накрашенная, как верно подметил Бройлер, на манер «ночной бабочки». Это и была проститутка, согласившаяся за умеренную мзду помочь двоим симпатичным ребятам проникнуть в квартиру, где сидели их должники.

Один из этих симпатичных ребят, здоровяк в длинном кожаном плаще, в данный момент находился у проститутки за спиной, прикрываясь ею как щитом и зажимая ладонью в черной кожаной перчатке мычащий, густо накрашенный рот. В другой руке он держал пистолет с глушителем, ствол которого торчал у проститутки из-под мышки, как диковинный градусник. Высоко оголенные ноги в сетчатых колготках подворачивались на высоких каблуках; девушка не столько шла, сколько волочилась по полу, подталкиваемая сзади верзилой в плаще.

Катала мгновенно оценил ситуацию и метнул нож. Бросок был мастерский: узкий клинок, молнией сверкнув в свете лампочки, рассек задымленный воздух и вонзился в незащитное горло проститутки, прямо под запрокинутый подбородок. Девушка конвульсивно содрогнулась и обмякла, прекратив сопротивление. В тот же миг верзила в кожаном плаще открыл огонь. Огромный заграничный пистолет с длинным глушителем хлопал раз за разом; катала с простреленной головой опрокинулся вместе с табуретом и затих на замусоренном полу. Три пули одна за другой ударили в костлявый торс Мусы, оставляя на застиранной, растянутой майке кровавые дыры с рваными краями. Одна из них прошла навывлет, разбив стоявшую на столе бутылку, и окровавленный труп рухнул в водочную лужу и осколки стекла, а потом сполз на пол, увлекая за собой остатки нехитрой закуски.

Убийца наконец отпустил тело проститутки, и оно упало ему под ноги, как сломанная кукла. Он посторонился, пропуская в комнату еще одного человека в таком же, как и у него, кожаном плаще – уже не столь модном, как когда-то, но зато немарком. Этот второй бегло оглядел комнату, заметил под столом серебристый кейс и, перешагнув через мертвую женщину, устремился туда.

Через час деньги, все сто двадцать четыре тысячи, вернулись туда, откуда были взяты в начале дня, – то есть в сейф Александра Антоновича Гронского. Господин Гронский был в высшей степени серьезным и деловым человеком и умел при любых обстоятельствах соблюсти свою выгоду и извлечь прибыль. В данном конкретном случае чистая прибыль господина Гронского выразилась в таком пустячке, как трехкомнатная квартира в одном из арбатских переулков, доставшаяся ему совершенно бесплатно.

* * *

Рукопись обнаружилась на антресолях, среди старого пыльного хлама, который Дмитрий давно собирался, но все никак не мог собраться выкинуть на помойку. Попытка вытащить что-то – Дмитрий почти сразу забыл, что именно, – из самого низа этой груды привела к небольшому обвалу, который едва не сшиб Крестовского с шаткой стремянки, помнившей, надо полагать, если не его прадеда, то уж деда наверняка.

Выглядело это именно так, как должно было с учетом десятилетий, на протяжении которых вместительная антресоль заполнялась пришедшими в частичную негодность (руки дойдут – починим) или просто ставшими ненужными предметами домашнего обихода. Все это обрушилось вниз с рассыпчатым грохотом, в облаках едкой пыли. Ржавый конек, привинченный к облупленному коричневому ботинку, ощутимо треснул Дмитрия по темечку; фарфоровый Пушкин – в задумчивой позе, за столом, с пером в руке и со взором, устремленным в вечность, где обитают музы, – памятный с раннего детства, кувыркнувшись в воздухе, с достойной лучшего применения точностью приземлился прямо на этот конек. Раздался негромкий треск, и кучерявая голова с бакенбардами, подсакивая, укатилась под комод.

В этот момент Дмитрий чувствовал себя так, словно некий деревянный Гаргантюа, уловив момент, отрыгнул излишки чересчур обильной трапезы прямо ему в лицо. Это происшествие заняло достойное место в ряду глупых, досадных и даже катастрофических событий последней недели. Строго говоря, чего-нибудь в этом роде следовало ожидать; как-никак, антресоль являлась неотъемлемой частью старого родового гнезда, которое Дмитрий разорил и пустил по ветру, и имела полное право тем или иным способом выразить свое недовольство.

Крестовский боком сполз со стремянки, добрел, разгребая ногами хлам и отряхивая с одежды пыль, до кухни, взял со стола пачку сигарет и прикурил от сторожевого фитилька газовой колонки. Виски у него ломило с похмелья, к горлу то и дело подкатывала тошнота, и, говоря откровенно, курить ему сейчас не следовало бы.

Отметив про себя это обстоятельство, Дмитрий присел на стул с высокой гнутой спинкой и мягким сиденьем и стал курить, с тоской разглядывая груды старых вещей в коридоре. Лучше всего было бы просто перетаскать весь этот мусор на помойку, где ему самое место, но заниматься этим было лень. Кроме того, каждый отдельный предмет, будучи извлеченным из беспорядочной кучи, которую иначе, как мусором, просто не назовешь, при ближайшем рассмотрении оказывался не таким уж ничемным. Эти вещи навевали легкую, приятную грусть по ушедшим временам, возрождали давно похороненные в самых дальних уголках памяти воспоминания – имена, лица, события, разговоры...

«Кой черт, – подумал Дмитрий. – Пускай Гронский выбрасывает, если ему надо. Или кому он там эту квартиру продаст... Для новых хозяев это будет вот именно мусор, от которого следует поскорее избавиться. Вот пускай и избавляются на здоровье. Они будут полны энтузиазма по случаю приобретения отличного нового жилья, и расчистка антресоли станет для них чем-то вроде символического акта: долой память о прежних обитателях, даешь новый порядок! Ну и на здоровье. А я им не дядюшка Том, чтобы задаром спину гнуть».

Очень хотелось оставить все как есть – пускай валяется, раз такое дело, – но он понимал, что заняться уборкой все равно придется. Не станешь же целый месяц обо все это спотыкаться! Да и дверь в туалет завалило, а без него как же? На балконе, что ли, оправляться?

«Черт меня понес на эти антресоли!» – с чувством подумал он.

На антресоли Дмитрия занес, конечно же, никакой не черт, а некое свойство его собственной природы, имевшее, правда, большое сходство с вселившимся в человека бесом, который постоянно нашептывает ему в ухо соблазнительную чушь, толкая на нелепые, а порой и самоубийственные поступки.

Произведя полный и окончательный расчет с Мусой и его компанией, Дмитрий Крестовский ушел в трехдневный запой, оставивший его почти без средств к существованию и на целых трое суток сокративший и без того недолгий срок, дарованный ему судьбой на то, чтобы завершить земные дела. Жить ему оставалось чуть больше месяца, но Дмитрий об этом даже не подозревал, а потому относился ко времени с присущей ему во всем расточительностью.

Кроме того, в этом эйнштейновском мире все относительно. Месяц – это очень короткий срок, но по сравнению с тремя днями, изначально отведенными Дмитрию на выплату чудовищного проигрыша, он кажется почти вечностью. Посему, вернувшись домой без денег, но более или менее успокоенным, Дмитрий Крестовский прибег к испытанному лекарству от всех горестей. Когда люди Гронского убивали в Наро-Фоминске Мусу и его приятелей, он уже не вязал лыка, и, если бы кто-то поведал ему о печальной и поучительной участи троих кидал, он встретил бы это известие лишь бессмысленным хихиканьем.

Однако все, что имеет начало, имеет и конец. Что касается запоя, то продолжительность его, как правило, определяется двумя факторами: количеством имеющихся в наличии денежных знаков и терпением окружающих, которые, исчерпав свои запасы христианской кротости, могут вызвать бригаду скорой психиатрической помощи. Факторы эти действуют когда как – то вместе, то по одному; когда же не действует ни один из них – например, денег у человека хватает на то, чтобы непрерывно пить в течение года, а в «скорую» позвонить некому, – рано или поздно срабатывает третий фактор. И по эффективности он намного превосходит первые два, вместе взятые: познакомившись с ним, человек не просто выходит из запоя, а прекращает пить раз и навсегда. Данный фактор люди называют по-разному, а медики – «летальный исход».

Правда, упиться до смерти или хотя бы раздражить соседей настолько, чтобы они позволили в психушку, Дмитрий Крестовский не успел – деньги у него закончились раньше, чем здоровье и терпение окружающих. Кроме того, алкоголиком он не был и, более или менее протрезвев, решил, что с него довольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.